

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия

1'90

Теория и практика социализма

А.В. Чудинов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
УИЛЬЯМА
ГОДВИНА

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

**ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА
СОЦИАЛИЗМА**

(Старое название «Научный коммунизм»)

1/1990

Издается ежемесячно с 1967 г.

А. В. Чудинов,

кандидат исторических наук

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
УИЛЬЯМА
ГОДВИНА**

(ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»)

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 66.02
Ч 84

Автор: ЧУДИНОВ Александр Викторович — кандидат исторических наук.

Редактор: В. Р. БЫСТРОВ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К читателю	4
Взлет и падение Уильяма Годвина	5
Власть разума	12
Бремя нищеты и богатства	15
Реформа и революция	20
Торжество справедливости	32
История человечества — история преступлений	40
Идеи Годвина в XIX—XX вв.	46
Приложение. Годвин У. «Исследование о политической справедливости» (фрагменты)	55

Чудинов А. В.

Ч 84 Политическая справедливость Уильяма Годвина (Из цикла «История социалистических учений»). — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 1).

ISBN 5-07-000598-7

15 к.

Работа посвящена анализу творчества видного английского мыслителя XVIII века Уильяма Годвина, чьи взгляды оказали большое влияние на социалистические учения XIX — начала XX века во многих странах мира. Дан краткий очерк жизни и политической деятельности Годвина, раскрыты наиболее яркие и характерные черты его мировоззрения, рассмотрены не потерявшие своей актуальности и сегодня идеи этого мыслителя о роли науки в социальной эволюции, представления о справедливом обществе и путях его построения, о равенстве и демократии.

0301050000

ББК 66.02

ISBN 5-07-000598-7

© А. В. Чудянов, 1990 г.

Уважаемые читатели!

С 1990 г. изменяется название серии «Научный коммунизм». Теперь она будет именоваться «Теория и практика социализма». Изменение названия определяется стремлением к повышению актуальности и практической ориентированности изданий, к приближению содержания и формы подачи материала к требованиям жизни, перестройки, демократизации, гласности и качественного обновления нашего общества. Конечно, все это ни в коей мере не умаляет значимости теоретических проблем, в частности разработки современной концепции гуманистического и демократического социализма, отвечающей уровню сегодняшних и завтрашних потребностей и реальностям общественного развития в нашей стране, других странах и мире в целом. Предполагается открыть большее пространство для дискуссий, споров, сопоставления различных точек зрения. Вероятно, будет расширен и круг рассматриваемых в серии проблем — круг интересов серии охватывает не только социально-политические, но и экономические, правовые и другие важные и острые вопросы общественной жизни.

Настоящей брошюрой в серии «Теория и практика социализма» открывается многолетний цикл брошюр (по одной-две в году) «Из истории социалистических учений». Редакция предполагает систематически знакомить читателя с творчеством видных представителей утопического и немарксистского социализма. Ваши пожелания и предложения будут с благодарностью приняты и учтены при формировании предлагаемого цикла.

В 22 года Уильям получил место проповедника в одном из местечек Хэртфордшира. Он продолжал много читать, и, как часто случалось в век философии, книги французских просветителей самым решительным образом изменили его мировоззрение. Сочинения Гольбаха, Руссо и Гельвеция пошатнули ортодоксально-кальвинистские убеждения Годвина. Пришлось покинуть пост проповедника.

В поисках средств существования и путей наилучшего применения своих способностей во имя «всеобщего блага и счастья» Годвин обратился к литературе. Из-под его пера вышли историческая биография известного государственного деятеля У. Питта Старшего, политические памфлеты в поддержку парламентской оппозиции, несколько новелл. Наиболее любопытное из ранних сочинений Годвина — проект новой системы образования, основанной на принципе, гласящем, что каждый человек разумен или может стать таковым под воздействием обучения. Надо только учить убеждая, а не принуждая. Никакое насилие над личностью недопустимо.

Эти первые опыты не принесли автору славы, но позволили приобрести необходимые навыки литературной работы и некоторую известность в кругах сторонников реформ. Встречаясь с политическими деятелями, писателями, историками, журналистами, не пропуская ни одного значительного произведения политической, философской, художественной литературы, Годвин расширял свой кругозор. Он много размышлял, взгляды его постепенно менялись. Именно в 80-е годы некогда фанатичный проповедник пуританизма становится (о век Просвещения!) убежденным атеистом.

Ему уже перевалило за тридцать, когда плавно текущее восемнадцатое столетие достигло рубежа, за которым поток времени, как река с крутого обрыва, бешено понесся вперед, увлекая с собой людей, то неожиданно поднимаемых на гребень волны, то опускаемых в бездну... 1789 год. Великая французская революция. С первых дней своих она стала надеждой и болью не одних только французов. Европа расколосась; прежние «партии» и фракции перемешались; отныне основной водораздел проходил по линии «за» или «против» Французской революции. В Англии страсти раньше всего разбушевались на страницах газет и в памфлетах. Едва ли история страны знала другую такую дискуссию, где одновре-

менно участвовало бы столько выдающихся людей эпохи. Во главе противников революции стоял сам Эдмунд Бёрк, до сих пор признаваемый наиболее ярким и глубоким идеологом консерватизма всех времен. В числе защитников революционной Франции мы видим известного демократа, одного из отцов-основателей США Томаса Пейна, знаменитого естествоиспытателя и философа Джозефа Пристли, поэтов Роберта Бёрнса, Сэмюэля Колриджа, Роберта Саути, замечательного драматурга и оратора Ричарда Шеридана, писательницу Мэри Уолстонкрафт, известную выступлениями за равноправие женщин, знаменитого впоследствии историка, философа и юриста Джеймса Макинтоша, а также многих других, чьи имена составляют гордость и славу британской культуры.

Что делал в те дни Уильям Годвин? Его не мог не захватить общий энтузиазм первых лет Французской революции. Как и подавляющему большинству представителей просвещенной части общества, ему казалось, что настало время, когда сбываются светлые мечты о грядущем «царстве разума», о будущем «золотом веке» равенства и справедливости. Но, будучи человеком весьма сдержанным, умевшим владеть эмоциями (вот он — результат пуританского воспитания!), Годвин не бросился очертя голову в памфлетную войну, а принялся за работу над фундаментальным философским трактатом, которому, по мысли автора, предстояло открыть народам кратчайший путь к торжеству Разума, избавив их тем самым от блужданий впотьмах.

Однако время не стояло на месте. Оно стремительно мчалось вперед, принося каждый месяц, каждый день все новые и новые события как по одну, так и по другую сторону Ла-Манша. Годвину приходится торопиться, и он отдает в печать отдельные главы сочинения, едва только они выходят из-под его пера. Работа началась в сентябре 1791 г. Но идут месяцы, в Европе вспыхнула война, в Англии развернулось массовое движение за реформы, французы свергли короля — столько событий, а книга еще не дописана. Происходящее вокруг заставляет взглянуть на некоторые вещи по-новому — значит, надо возвращаться к предметам, рассмотренным в первых, уже отпечатанных главах, дабы осветить их несколько иначе. Эта особенность создания книги во многом обусловила ее уникальный характер, ибо в ней запечатлелись искания и эволюция

живой, пульсирующей мысли на протяжении довольно длительного и насыщенного событиями периода. Так готовилось первое издание «Исследования о политической справедливости» — труда, принесшего Годвину бессмертную славу.

В следующих разделах я подробно остановлюсь на содержании этого обширного, поистине энциклопедического сочинения, затрагивающего практически все стороны социальной жизни: политику и мораль, право и образование, отношения в семье и религию, искусство и литературу. Именно здесь целиком изложено учение Годвина об обществе — последующие работы лишь дополняли этот труд, развивая некоторые вопросы.

«Исследование о политической справедливости» увидело свет в январе 1793 г. — период далеко не лучший для открытого выражения радикальных взглядов. Казнь французами Людовика XVI, а затем вторжение их в Голландию и объявление войны Англии заставили на время примолкнуть даже самых горячих сторонников реформ. Торийское правительство воспользовалось благоприятной ситуацией и начало преследовать радикально-демократическую оппозицию. Однако Годвина не тронули. На заседании кабинета, где рассматривался вопрос о его произведении, глава правительства У. Питт Младший усомнился в том, что «чернь» захочет приобрести столь дорогое и объемистое издание. Справедливости ради надо заметить: действительно, даже не все образованные люди смогли осилить «новую философию» Годвина и с раздражением отложили «заумное» сочинение. И все же книгу читали многие. Современник свидетельствует: «Эта работа, несмотря на спорность многих ее положений, сразу же после опубликования стала предметом повсеместного обсуждения и похвалы. Возможно, ни одно произведение подобного объема не имело столько читателей; и конечно же, ни одно исследование, равное ему по глубине, не приобретало за столь короткий промежуток времени подобного числа приверженцев».

Особое признание книга Годвина получила у молодежи из средних слоев. Возможность полного торжества разума, путь к которому, казалось, открыл автор, представлялась более чем реальной. Так, начинающие поэты Колридж и Саути собирались организовать в Америке коммуну, где весь уклад жизни должен был

строиться в соответствии с предложенными Годвином принципами. А те поклонники «новой философии», что активно участвовали в демократическом движении, надеялись достичь тех же результатов уже в масштабе всей Англии.

Для дальнейшей популяризации своих идей Годвин избрал весьма необычное средство. Чтобы сделать их максимально доступными для большего числа читателей, он написал... остросюжетный криминальный роман «Приключения Калеба Уильямса», где в художественной форме изложил основные мысли «Исследования о политической справедливости». История юноши-слуги, ненароком узнавшего тайну страшного преступления своего хозяина — богатого лендлорда — и вынужденного скрываться от его преследований, способна вызвать интерес и у нынешнего, пресыщенного детективами читателя. Легко представить себе, как зачитывались ею люди двести лет назад, далеко не всегда за хитросплетениями сюжета замечая, что постепенно впитывают в себя идеи «новой философии». «Калеб Уильямс» еще больше укрепил репутацию Годвина как властителя дум молодого поколения. Только при жизни автора роман издавался 28 раз на различных языках. Во многих странах Европы на театральной сцене шла пьеса «Железный ларец», написанная по мотивам этого произведения.

Популярность Годвина достигла пика в 1795 г. после того, как его выступления в печати против преследований правительством лидеров движения за реформу помогли спасти последних от виселицы. Сам Годвин ни в какие политические общества не входил, считая, что подобные объединения ограничивают возможности человека размышлять свободно и независимо, однако принимать у себя философа почитали за честь и вожди парламентской оппозиции, и руководители демократических обществ. Едва ли кто мог тогда предвидеть скорое падение кумира, происшедшее столь же быстро, как и недавнее вознесение его на гребень славы.

Годвин как выдающийся социальный мыслитель был порожден Великой французской революцией, но она же и низвергла его с высот, на которые ранее подняла. Начатый в 1789 г. поход к «царству разума» привел через четыре года к кошмару Великого террора, творимого во имя Свободы, Равенства, Братства. Жизнь вывернула наизнанку высокие понятия, рожденные веком Просвеще-

ния. Во Франции 1794 г. самое отъявленное вероломство в политике прикрывалось личиной добродетели, именем правосудия вершился откровенный произвол. Во внешней политике революционная оборонительная война вскоре сменилась экспансией. Пример французов перестал воодушевлять. Напротив, немало бывших поклонников революции теперь взирало на нее со страхом и отвращением.

Многие видели причины столь трагического поворота событий в разрушении традиционных ценностей христианской нравственности. В нашу задачу не входит рассмотрение того, насколько обоснованно было подобное предположение. Отмечу лишь, что, по мнению французских историков, включая марксистов, провозглашенный в годы революции абсолютный разрыв со «старым миром», в том числе со «старой» моралью, действительно привел к смещению у значительной части общества представлений о добре и зле, следствием чего стали отдельные вспышки дикого, доходящего до извращенности и садизма насилия со стороны масс. Это еще один парадокс загадочного столетия: безграничная вера в разум оборачивалась его помутнением.

Разочарование, горечь утраченных надежд требовали выхода. Тем, кто еще недавно приветствовал Французскую революцию, а теперь с ужасом от нее отшатнулся, нужна была жертва, дабы искупить прежние «заблуждения». Годвин как нельзя лучше подходил для этой цели. Бросить камень в философа, не примыкавшего ни к одной из партий и открыто проповедовавшего атеизм и веру в разум, — это ли не возможность, ничем не рискуя, доказать свой патриотизм, продемонстрировать исцеление от «французской заразы»? Разве имело для них значение то, что Годвин всегда отрицательно относился к «эксцессам» толпы? Об этом теперь предпочитали не вспоминать. «Апостол разума» был обречен на заклятие.

С 1796 г. в английской печати все чаще стали появляться критические выпады против автора «Исследования о политической справедливости», быстро переросшие в открытую травлю. Среди тех, кто обрушился на него, оказались и бывшие поклонники — Колридж и Саути. Положение усугублялось тем, что Годвин лишился поддержки своих приверженцев из демократических слоев

общества. Одни из них были осуждены и сосланы в заморские колонии, другие пришли к убеждению в необходимости более решительных методов политической борьбы, чем предлагал Годвин (ниже я подробнее расскажу о его взглядах), из-за чего он порвал с ними. Напрасно взывал философ к рассудку оппонентов. В 1796 и 1798 гг. он выпустил два дополненных и переработанных издания своего главного труда, усилив аргументацию положений, казавшихся наиболее уязвимыми. Тем самым он пытался ввести дискуссию в научное русло, тогда как многочисленные его критики просто поливали его грязью. Масла в огонь подлил брак Годвина с Мэри Уолстонкрафт. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что и творец «новой философии», и знаменитая защитница прав женщин неоднократно выступали против социального института брака, который в современном им обществе зачастую представлял собой коммерческую сделку. Однако забота об ожидаемом ребенке, желание уберечь его от горькой судьбы незаконнорожденного вынудили их поступиться принципами, что дало повод противникам разразиться серией самых разнузданных пасквилей. Особенно усердствовал журнал «Антиякобинец».

Вскоре последовал еще один жестокий удар. После тяжелых родов скончалась Мэри Уолстонкрафт. Ребенок остался жив. Много лет спустя дочь Уильяма и Мэри станет женой великого английского поэта П. Б. Шелли и войдет в историю как Мэри Шелли, автор знаменитого романа ужасов «Франкенштейн».

Травля Годвина продолжалась и после смерти жены. Его новые произведения: сборник очерков «Исследователь», трагедия «Антонио», роман «Сен-Леон» встретили более чем холодный прием. В 1801 г. Годвин выпустил памфлет, в котором дал блестящую отповедь многочисленным противникам, но это был последний залп тонущего корабля. Как крупный политический мыслитель Годвин навсегда сошел со сцены общественной жизни.

Ему еще предстояло прожить в безвестности долгих 35 лет. Его еще ожидали малоудачный брак с грубой и недалекой женщиной, разорение, бедность, случайные заработки литературной поденщиной. Он еще напишет ряд художественных произведений, экономических и философских трудов, четырехтомную историю английской революции, но ни одна из его книг больше не будет

иметь успеха, хотя бы отдаленно сравнимого с триумфом «Исследования о политической справедливости» и «Калеба Уильямса». 7 апреля 1836 г. маленький человек Уильям Годвин, окруженный семейством, тихо и незаметно уйдет из жизни в возрасте 80 лет. Но великий философ Годвин будет к тому времени уже давно мертв. Рожденный XVIII столетием, он умер вместе со своим веком, оставив потомкам выдающийся памятник просветительской мысли — «Исследование о политической справедливости».

ВЛАСТЬ РАЗУМА

Если в нескольких словах охарактеризовать главное произведение Годвина, то едва ли найдется более подходящий эпитет, чем «гимн разуму». Действительно, даже для XVIII века, давшего больше, чем любой другой, философских систем, построенных на рационалистических началах, учение английского мыслителя представляется едва ли не уникальным по присущей ему глубокой вере в безграничные возможности и высокое, поистине космическое предназначение человеческого разума. Взгляды Годвина особенно интересны тем, что в них прослеживается попытка добиться гармоничного сочетания диаметрально противоположных идей конечного и бескрайнего, смертного и вечного. Он отнюдь не наделял разум сверхъестественной природой, считая мышление продуктом чрезвычайно хрупкого и нежного, в конечном счете неизбежно подверженного гибели материального образования — человеческого мозга. В то же время философ был глубоко убежден, что мышление способно достичь практически беспредельной власти над материей.

Для каждого все начинается с нуля: мы приходим в мир, не имея никаких врожденных идей, писал Годвин. Разум младенца подобен чистой доске, и если органы чувств служат исправно, на этой доске постепенно появляются первые письмена. Жадно впитывая знания, человек развивается, приобретает новые представления, усваивает опыт, накопленный прежними поколениями. За короткое время он пробегает путь, для преодоления которого его предкам потребовались столетия. Наконец, настает и его черед внести вклад в познание мира. Годвин поражен и восхищен спо-

собностью разума как отдельного индивида, так и человечества в целом к постоянному совершенствованию. Вы только посмотрите, восклицает он, какая пропасть отделяет первобытных людей, не владевших ни членораздельной речью, ни простейшим письмом, от живущих в XVIII веке. «Если бы кто-нибудь сказал диким обитателям Европы во времена Тезея и Ахилла, что человек сумеет предсказывать затмения и взвешивать воздух, что он сможет объяснять явления природы, не оставив места для чудес, измерять расстояние между небесными телами и их размеры, то это бы показалось им не менее удивительным, чем возможность найти средства для сохранения человеческому телу вечной юности и силы»¹.

Сущность познания, считал Годвин, в расширении власти разума над материей. Будучи сам порождением материи, разум тем не менее может непосредственным образом влиять на нее и, более того, даже встать над ней в том, что касается жизнедеятельности организма. Так, например, сила духа способна восполнить слабость тела. Никакая боль не заставит отступить того, кто убежден в своей правоте. Вспомните, предлагал Годвин читателям, древнеримского героя Муция Сцеволу или английского епископа XVI в. Томаса Кранмера. И тот и другой добровольно сожгли на огне свои правые руки, дабы убедить врагов в непреклонности воли. А разве не зависит наше самочувствие от настроения? Бодрость духа лучше всего содействует физическому здоровью. «Каждый раз, — писал Годвин, — когда нас охватывает тревога и печаль, наша физическая жизнь нарушается. Каждый раз, когда томление и безразличие овладевают нами, физические функции приходят в упадок. Живость циркуляции крови соответствует крепости и бодрости нашего духа» (С. 864, 868—869).

Любопытно, но упомянутые Годвином явления, хотя и были подмечены достаточно давно, лишь в последнее время получили научное осмысление в качестве особой отрасли медицины — психотерапии.

Однако Годвин на этом не останавливается. Безудержный, за-

¹ Godwin W. Enquiry concerning Political Justice. — L., 1793. — P. 866. (Далее указания на страницы этого издания даются в тексте.)

хватывающий дух полет фантазии влечет его в такие сферы, которые и сегодня могут показаться недостижимыми: «Разве не часто бывает, что неожиданная добрая весть изгоняет болезнь? Разве не часто мы замечаем, что на события, способные вызвать расстройство здоровья у бездеятельного человека, люди занятые и активные просто не обращают внимания или быстро забывают о них? Нам, несомненно, очень важно узнать, какую роль здесь играют сознательные намерения, привычки и сила воли... Мы заболеваем и умираем, в общем-то, потому, что согласны на это. При нынешнем состоянии человечества такое согласие в некоторой степени неизбежно. Мы должны иметь более сильные побудительные мотивы и уметь мыслить более четко, чтобы отвергнуть подобную перспективу. И если не всегда, то очень часто в наших силах сделать это» (С. 869). Иными словами, если человек очень захочет, он может жить вечно. Даже мы, очевидцы поразительных достижений науки XX столетия, не рискуем заходить так далеко в своих мечтаниях. Впрочем, быть может, нашим потомкам и вправду суждено будет восхититься прозорливостью давно умершего философа, предсказавшего биологическое бессмертие, даруемое человеку разумом?!

Упоенный открывающейся перспективой беспредельного прогресса мысли, Годвин считает умственный труд единственно достойным человека занятием. Нет, он вовсе не отрицает роли физического труда, но тот видится ему лишь как необходимое средство обеспечения жизнедеятельности индивида, которое в будущем, по мере развития техники, сведется к минимуму. Чувственные радости, по мнению Годвина, — удел людей, недалеко ушедших от животных и не познавших гораздо более приятного духовного наслаждения. Высокоразвитому человеку, утверждал он, не нужны ни украшения, ни дворцы, ни изысканные блюда. Все это — блестящая, бесполезная мишура. Для тела нужно лишь самое необходимое, истинная жизнь — жизнь разума. Здесь в рассуждениях материалиста и атеиста Годвина отчетливо проступает усвоенная с детских лет идея кальвинизма о высшей ценности духовного начала и благодетельности мирского аскетизма.

Казалось бы, о каких духовных наслаждениях могла идти речь, если многие люди, ложась спать голодными, не знали, добудут

ли они себе завтра кусок хлеба? Проблема, как накормить тысячи бедняков, бурно обсуждалась в английской публицистике. Раздавались и такие голоса: голод части членов общества неизбежен, ибо земля не может прокормить всех живущих на ней. Несколько лет спустя Мальтус сведет подобные идеи (кстати, с целью опровержения «Политической справедливости») в ставшую широко известной теорию избыточного народонаселения. Но для Годвина такой проблемы не существовало: прогресс разума, считал он, позволит настолько поднять производительность труда в сельском хозяйстве, что люди вообще забудут о голоде. Кроме того, предсказал Годвин, на более высокой стадии развития человечества рождаемость будет неизменно сокращаться, свидетелями чего сегодня мы и являемся. Правда, в определении причины данного процесса он ошибся, предполагая, что это произойдет вследствие снижения половой активности просвещенных индивидов, презирающих чувственные наслаждения.

И все же нет пророка в своем отечестве. Когда газетчики и памфлетисты начали травлю Годвина, его мечты о беспредельном прогрессе разума подверглись жестокому осмеянию. Только много десятилетий спустя великий русский ученый В. И. Вернадский воздаст должное годвиновской философии, отметив, что Годвин и Сен-Симон «ясно и определенно выдвинули как задачу точного знания — прикладной науки — создание народного богатства в такой мере, при которой при правильном его распределении не было бы в мире нищеты — недоедания — и вызываемых этим человеческих страданий»².

ВРЕМЯ НИЩЕТЫ И БОГАТСТВА

Возможности разума безграничны, но они, утверждал Годвин, не могут быть реализованы при несправедливых общественных порядках. Взгляните на несчастных бедняков, призывал он, эти люди лишены всего, что делает их существование хоть сколько-нибудь приемлемым. По вечерам они тащатся в свои убогие лачуги

² Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. — 2-е изд. — М., 1988. — С. 250.

к голодным семьям, чтобы с утра снова приняться за изнурительный труд, едва-едва позволяющий им сводить концы с концами. Тела их покрыты ветхими рубищами, не спасающими от непогоды, а потому болезни не покидают хижин бедняков, усугубляя и без того тяжкое положение. Разве у них есть время для размышлений над высокими предметами? «Нет сомнения в том, что класс общества, постоянно подгоняемый голодом и нуждой, не имеет досуга для занятия вещами не столь грубыми и материальными» (С. 824).

Отмечая тяжелые условия жизни неимущих, Годвин, однако, видит главное зло социального неравенства в подрыве нравственности бедняков. Для удовлетворения насущных физических потребностей (Годвин употребляет термин «животные потребности», подчеркивая их подчиненный по сравнению с духовными запросами характер) необходим, по его мнению, минимум материальных благ: крыша над головой, удобная одежда и скромная пища. Намного более болезненным, чем материальные трудности, является, по мнению философа, моральный ущерб от неравенства. «Человек способен стойко встречать значительные лишения, когда он разделяет их с остальным обществом и когда его не оскорбляет зрелище беззаботности и достатка других людей, никоим образом не заслуживающих таких преимуществ в большей степени, чем он сам» (С. 36). Люди стыдятся нищеты и стремятся избежать ее любыми, в том числе самыми бесчестными, путями. Ощущение собственной неполноценности развивает в неимущих такие пороки, как раболепие, подобострастие, низкопоклонство, учит лести и обману, побуждает к преступлениям. «Нравы, господствующие во многих странах, словно специально рассчитаны на то, чтобы внушить убеждение, будто честность, порядочность, разумность и усердие — ничто, а богатство — все» (С. 38).

Таким образом, согласно Годвину, моральные издержки имущественного неравенства значительно превосходят материальные. Следовательно (тут мысль философа делает несколько неожиданный поворот), к числу пострадавших от неравномерного распределения собственности должны быть отнесены и богачи. Ведь они, купаясь в роскоши, утрачивают способность здраво мыслить, им недоступна добродетель. Эгоизм, лживость, тщеславие, чванство,

корыстолюбие, черствость — таков далеко не полный перечень пороков богатых людей. Это значит, что и они не способны к использованию потенциальных, практически безграничных возможностей человеческого разума. Надо ли удивляться, что прогресс общества идет столь медленно? «Дух угнетения, дух рабства и дух обмана — вот они-то и являются прямым следствием существующей системы собственности. Они одинаково враждебны умственному и нравственному совершенствованию» (С. 810).

Но если от имущественного неравенства не выигрывает никто, то как оно тогда вообще возникло и сохраняется на протяжении многих веков? По мнению Годвина, всему виной заблуждения разума. Естественное для большинства качество — честолюбие, похвальное само по себе стремление добиться уважения других членов общества при отсутствии понимания истинных ценностей толкает на ложный путь. «К богатству не стремятся ради него самого и редко добиваются его ради чувственных удовольствий, им доставляемых. Его домогаются по той же причине, по которой обычно способные люди стремятся получить знания, умение и опыт, то есть из любви к почету и из страха перед небрежением» (С. 839). Как и многие другие его современники, Годвин не видел объективной необходимости имущественного неравенства на определенном этапе социального развития. Ведь именно неравномерное распределение собственности на протяжении столетий обеспечивало меньшинству общества возможность посвятить себя умственному труду и тем самым содействовало интеллектуальному прогрессу так восхищавшему автора «Политической справедливости». Остро воспринимая отрицательные последствия социального неравенства, Годвин считал подобное состояние общества совершенно неразумным и неоправданным. Соответственно поиск объяснения того, почему всесильный человеческий рассудок столь долго мирился с этой «нелепостью», уводил философа в область психологии. «Жажда почета и уважения, — писал он, — является основной и постоянно действующей причиной частного накопления» (С. 837). Именно она якобы в незапамятные времена побудила некоего эгоистического индивида присвоить себе то, что прежде принадлежало всем, с чего и началась, по словам Годвина, частная собственность.

Однако подобная постановка проблемы не могла не вызвать вопроса: неужели человеческому разуму, раскрывшему столько тайн природы, оказалось не под силу развеять «туман заблуждений» вокруг социальных отношений? Годвин предвидел возможность такого вопроса, и видимо, сам немало над ним размышлял. Действительно, если блага равенства и свободы столь очевидны, то почему приходится убеждать людей покончить с деспотизмом и эксплуатацией? Это же все равно, что уговаривать человека предпочесть наслаждение пытке или здоровье болезни, пишет мыслитель.

Предрассудки и заблуждения, по мнению Годвина, долговечны потому, что их существованию споспобствуют социальные и политические институты: государство, право, церковь и т. д. Каждый человек имеет некоторые, хотя бы расплывчатые, представления о преимуществах свободы, но ему вдолбили, «что люди разорвут друг друга на куски, если у них не будет священников, управляющих их мыслями, лордов, руководящих их поведением, королей, которые ведут их верным курсом среди бесчисленных опасностей океана политики» (С. 62—63). Любой деспотизм заинтересован в сохранении предрассудков и старается помешать истине овладеть умами. Для тиранов и их подручных человек, независимо мыслящий и добродетельный (а добродетель дается знанием истины), опасен, поэтому они стремятся низвести его до своего уровня, вселить в него страх, заставить льстить и пресмыкаться. Если это не удастся, в ход идет клевета. Стоило Цезарю узурпировать власть в Риме, как тут же появились книги, порочащие его противника Катона; того, кто боролся за сохранение республиканских традиций, объявили неудачным претендентом на трон.

Годвин, как и другие просветители, но, пожалуй, чуть более четко ставил реально существовавшую и существующую ныне проблему воздействия государства на формирование моральных ценностей общества. Он выявил некоторые пути влияния господствующей идеологии на общественное мнение. Настойчивое повторение определенных положений, пусть даже ложных, но преподносимых в качестве аксиом, в самом деле способно создать в массовом сознании стереотипы, обуславливающие искаженное восприятие действительности и препятствующие распространению идей, очевидных

для непредубежденного и здравомыслящего человека. Естественно, государство заинтересовано в сохранении и упрочении насаждаемых им стереотипов, ибо они — одно из средств поддержания стабильности данного общественного строя. История нашего столетия дала блестящее подтверждение годвиновской мысли, что наиболее трудно преодолеваются и дольше всего существуют те заблуждения, которые целенаправленно внедряются государством в массовое сознание.

А откуда взялись порочные политические институты, тормозящие прогресс разума? Последовательно придерживаясь рационалистической концепции, Годвин отвечал: как и остальные недостатки общества, деспотические правительства — результат... заблуждений. Возникла своего рода самовоспроизводящаяся замкнутая система: заблуждение вызвало к жизни деспотизм, который теперь изо всех сил мешает разуму с этим заблуждением покончить. Логически довольно стройная конструкция. Именно эта внешняя простота объяснения сложных проблем и вызвала в конце XVIII в. восхищение многочисленных поклонников годвиновской теории.

Однако схема Годвина могла существовать только в стерильных условиях философской абстракции. При попытке наполнить ее конкретным содержанием хрупкая конструкция рассыпалась на части. Ибо что такое государство? В конечном счете — определенные люди, управляющие обществом. Почему они заинтересованы в сохранении заблуждений? Мы сегодня, двести лет спустя, ответили бы: потому что заблуждения подавляющей части общества позволяют им удерживать господствующее положение и получать вполне ощутимую материальную выгоду. Но у Годвина не было за спиной опыта XIX и XX вв., когда научная мысль открыла и объяснила подобную связь, и он отвечал: потому, что эти люди безнравственны. Но безнравственность, по его утверждению, — следствие незнания истины. Это значит, что власть имущие лелеют чужие заблуждения из-за своих собственных. Ситуация безысходна, замкнутый круг не разорвать, ибо в таком обществе способность разума к совершенствованию не может быть реализована. Следовательно, общество лишено всяких перспектив прогрессивного развития. В подобном же тупике оказывались и другие просветители XVIII в.,

пытавшиеся объяснить действие скрытых пружин социального механизма с рационалистических позиций.

Нарисованная Годвином картина человечества, окутанного плотной пеленой предрассудков, сквозь которую разум не может пробиться к истине (а без знания ее нет прогресса), напоминает выдвинутую в XVII в. основателем рационализма Р. Декартом идею материи, находившейся в абсолютной неподвижности до того, как Бог дал начальный импульс последующему развитию. Социальная система, изображенная Годвином, также нуждалась во внешнем толчке, способном прорвать хотя бы в одном звене замкнутую цепь заблуждений, сковывающую разум, дабы тот, вырвавшись на свободу, мог затем вообще покончить со всякими заблуждениями, обеспечив тем самым поступательное движение социума к совершенному состоянию.

РЕФОРМА И РЕВОЛЮЦИЯ

Итак, кому суждено дать начальный импульс социальному прогрессу? Богу? Нет, такой возможности атеист Годвин не предусматривал. Ответ на сей вопрос, по мнению автора «Политической справедливости», подсказывала сама жизнь. Раскрывая способ перехода от порочного, угнетательского строя к совершенному, Годвин отталкивался прежде всего от опыта Французской революции. Она, по убеждению большинства современников, явилась следствием широкого распространения просветительских идей, рассеявших в умах людей туман суеверий и предрассудков. Друг Годвина Джеймс Макинтош, написавший одну из лучших в те годы книг о происходившем во Франции, так оценил историческую роль мыслителей Просвещения: «Они бесшумно совершили великую моральную революцию, которой предстояло в положенный срок привести к улучшению общественного строя. Им пришлось свергать тиранов более могущественных, чем короли, — тиранов, которым короли обязаны властью. Они с триумфом вырвали скипетр у Суеверия и выкорчевали Предрассудок». Эту мысль Годвин возводит в ранг ключевого положения своей теории. Только философы, в определенном отношении стоящие над обществом и недоступные

господствующим там заблуждениям, способны дать внешний толчок погруженному во мрак невежества человечеству. «Революции обязаны своим происхождением не столько энергии народа в целом, сколько убеждениям лиц, имеющих необходимую степень образования и способность к размышлению» (С. 206). Именно просвещенная элита, имеющая досуг для пополнения знаний и постижения социальных закономерностей, может открыть истину, понять причины несовершенства общества и поведать о них народу, считал Годвин.

Конечно, теперь легко критиковать мыслителя, жившего двести лет назад, за то, что он не видел иных предпосылок революционного переворота, кроме идеологических, за то, что он не только недооценивал значение социально-экономических противоречий, но, похоже, вообще имел о них весьма смутное представление. То же самое можно сказать о любом из его современников. Важно другое. Важно отметить те годвиновские идеи, что отражали верно схваченные черты исторической действительности, а потому сохранили свое значение и позднее. С этой точки зрения мне представляется весьма плодотворной мысль о роли образованного меньшинства в общественных преобразованиях. Во Франции XVIII в. именно «люди свободных профессий» — журналисты, писатели, юристы, врачи, художники, артисты и др. — находились во главе революции на всех ее этапах. Мы не найдем среди наиболее видных деятелей ее первого этапа практически ни одного крупного промышленника или торговца, хотя реформы тех месяцев, несомненно, отвечали интересам этих слоев. Точно так же лидерами якобинцев были юристы Дантон и Робеспьер, врач Марат, а отнюдь не выходцы из городского плебса или крестьян, хотя летом—осенью 1793 г. революционное правительство смогло удовлетворить многие требования данных социальных групп. Иными словами, просвещенная часть общества дала идеологов и вождей всем классам, участвовавшим в революции. Обладая необходимыми теоретическими познаниями, широким кругозором, гибкостью мышления, просвещенные люди лучше, чем кто бы то ни было, могли выразить чаяния того социального слоя, на сторону которого они встали. Естественно, что, наблюдая за развитием Французской революции, Годвин сделал вывод: в освобождении угнетенных масс

важнейшая роль принадлежит образованному меньшинству, осознавшему несправедливость существующих порядков.

Позднее эту же мысль в той или иной степени разделяли непосредственные предшественники марксизма, утопические социалисты Оуэн и Сен-Симон, а затем и сами основоположники научного коммунизма. Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» признавали необходимым условием освобождения пролетариата переход на его сторону части «буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»¹. Ленин также подчеркивал, что рабочие не могут самостоятельно выработать научной идеологии, отвечающей их классовым интересам. «Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»².

Однако Годвин прекрасно понимал и то, что одно лишь просвещенное меньшинство не сможет изменить общество к лучшему. Хотя революции и обязаны философам своим происхождением, «свершаться они должны по воле всей нации» (С. 206). Впрочем, прежде чем перейти к радикальным преобразованиям, надо просветить массы, иначе темный народ, привыкший к жестокому и унижительному обращению с ним со стороны угнетателей, вырвавшись на свободу, к которой еще не готов, окажется способным на самые страшные эксцессы. «Нет ничего более варварского, жестокого и кровавого, чем триумф толпы» (С. 208). И это были, увы, отнюдь не абстрактные рассуждения. История Франции 90-х годов XVIII в. содержит немало примеров, когда всплеск слепой ярости масс имел столь ужасные последствия, что оправдывать их не решались даже самые ревностные поклонники революции из числа людей просвещенных. Годвин знал об этом и не уставал повторять: только просвещение может предотвратить подобные эксцессы при смене общественных порядков; чем культурнее и образованнее народ, тем легче провести самые глубокие преобразования. Пока люди морально не готовы к установлению новой фор-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 4. — С. 434.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 30.

мы социального порядка, практически исключавшей внешнее принуждение по отношению к ним, всякая попытка дать им свободу «сверху» неизбежно приведет к разгулу «анархии», а затем и к еще худшей тирании, отмечал английский мыслитель. Поэтому, считал он, внесение в умы простого люда прекрасных истин, открытых философами, — важнейшая задача образованного меньшинства «Если мы хотим усовершенствовать социальные институты человечества, мы должны писать, доказывать, спорить» (С. 202). Величайшее средство воздействия на массовое сознание — печать, способная воистину творить чудеса. «Откройте прессе дорогу в Персию или Индию (для людей XVIII в. они ассоциировались с наиболее стойким консервативным сознанием. — А. Ч.), пусть политические истины, открытые европейскими мудрецами, будут изложены на языке этих стран, и не может быть, чтобы хоть некоторос число людей не изменило своих убеждений» (С. 63).

Впрочем, Годвин отдавал себе отчет, что пока массы угнетены, едва ли удастся поднять их культуру и нравственность в той степени, какая необходима для немедленного построения совершенного общества, а потому процесс движения к справедливому строю должен осуществляться постепенно и включать как революционные рывки, так и длительную эволюцию. Подход Годвина к данной проблеме гибок и диалектичен. Рассмотрим его подробнее.

Наибольшим из социальных зол автор «Политической справедливости» признавал деспотические государственные институты, подлежащие, естественно, уничтожению в первую очередь. Подготовить умы людей к этому шагу, считал Годвин, можно гораздо быстрее, чем к установлению «полного равенства»: «Некоторой доли истины будет достаточно для низвержения тирании и узурпации; а оно, умножив силы нашего разума, поможет ему в дальнейшем постижении истины» (С. 23). Это означало политическую революцию.

Лучший, по мнению Годвина, способ ее совершить — мирный: «Мы должны тщательно избегать насилия: сила — не убеждение, она не достойна дела истины» (С. 887). Если большинство народа поймет несправедливость положения, в котором находится, для ниспровержения деспотизма надо будет только единодушно выра-

зять свою волю. Чтобы сделать данную мысль более наглядной, философ привел такой гипотетический пример. Представим себе, говорил он, десять тысяч здравомыслящих людей, находящихся в доме для умалишенных под надзором трех-четырех надзирателей, которые постоянно твердят им, что без подобного контроля мнимые сумасшедшие себе же наделают беды. Веря в это (а ничего другого узники отродясь не слышали), обманутые люди мирятся с тяжелыми условиями заточения, тогда как надзиратели живут припеваючи. Именно такой порядок, утверждал Годвин, существует повсюду. Надо лишь объяснить несчастным, что они достойны свободы, и тогда угнетатели не осмелятся воспротивиться единодушно выраженному желанию подавляющего большинства.

Разумеется, пример грешит определенным схематизмом, ибо реальное положение в любом обществе гораздо сложнее, нежели изобразил Годвин. И все-таки в его словах имеется значительная доля истины. Идея мирной революции — отнюдь не плод философской абстракции. Ее подсказал исторический опыт, и прежде всего опыт Великой французской революции. Как, спросит внимательный читатель, разве несколькими страницами раньше не утверждалось, что события во Франции напугали Годвина эксцессами? Но противоречия тут вовсе нет. Эпизодические в первые два-три года революции всплески массового насилия воспринимались многими ее сторонниками за рубежом именно как эксцессы, то есть крайности, отступление от основной линии развития, которая связывалась с работой Учредительного, а затем — Законодательного собрания. В деятельности и той и другой ассамблеи были случаи, когда широкая поддержка народом предложений депутатов заставляла короля вопреки его желанию давать согласие на меры, ограничивающие власть монарха. В результате складывалось представление, что достичь желанной цели можно и без насилия, надо лишь показать властям подлинное желание народа. История последующих двух столетий также содержит немало подобного рода. Иными словами, годвиновская идея мирной революции имеет под собой реальную основу.

Впрочем, Годвин не абсолютизировал данный путь, признавая, что в определенных условиях применение вооруженной силы отнюдь не исключается. Правда, прибегать к такому средству он со-

ветовал лишь в случае крайней необходимости. Сила, писал философ, должна использоваться лишь в обстоятельствах, когда другие средства неэффективны. Допускал он и вероятность того, что просвещенность народа все же окажется недостаточной для предотвращения любого рода «крайностей», но это, по его мнению, не должно останавливать друзей свободы, ибо постоянная тирания хуже временной «анархии». «Даже если бы народ повел себя несколько несдержанно, применяя на практике идеи мыслителей, то вызванные этим несчастья оказались бы просто незначительными по сравнению с ежечасно происходящими по вине беспощадного деспотизма» (С. 620).

Допустим, тирания свергнута, цепи разбиты, с деспотами покончено, а что дальше? Дальше начинается длительный переходный период к совершенному социальному строю. Главная задача здесь — воспитание и дальнейшее просвещение масс, ибо новая мораль, основанная на знании истины, — важнейшее, по мнению Годвина, условие существования нового общества. Единственный путь к данной цели — демократия. Годвин ни в коей мере не идеализировал демократическую форму правления. Он прекрасно понимал, что само по себе политическое равенство не ведет к устранению всех социальных пороков, а потому в отличие от многих современных ему мыслителей не признавал его конечной целью общественного прогресса. Философ писал: «Республиканизм — это не то средство, что поражает зло в его истоках. Несправедливость, угнетение и бедность могут существовать и в этих, внешне кажущихся счастливыми странах» (С. 821).

В то же время Годвин считал, что демократия содействует развитию положительных качеств личности. «Это система управления, при которой каждый член общества рассматривается только как человек и ничего более» (С. 489). Демократическое устройство необходимо не только потому, что каждый индивид должен иметь возможность участвовать в принятии решений, непосредственно касающихся его жизни, но и потому, что оно способно поднимать личность на небывалую доселе высоту. «Каждый человек был бы вдохновлен осознанием собственной значимости; исчезли бы те рабские чувства, от которых сжимается душа в присутствии сильных мира сего» (С. 158—159).

Надо подчеркнуть, что годвиновский вариант демократии является, пожалуй, наиболее последовательным из всех теоретически возможных. Воздействие государства на индивида сводится к минимуму. Немногочисленные функции центрального органа управления (избираемой всеобщим, равным голосованием ассамблеи) ограничиваются организацией обороны страны и разрешением споров между отдельными общинами. На местах выборные советы следят за порядком и осуществляют правосудие. Нет ни налогов, ни писаных законов. Основное правило поведения — поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе. Нельзя бесконечно регламентировать действия человека, надо убеждать, а не принуждать, вспоминает Годвин принцип рекомендованный им еще в одной из ранних педагогических работ «Страны, где вместо аргументов постоянно прибегают к помощи декретов, населены не людьми, а призраками» (С. 127). Лишь свобода от бессмысленных ограничений содействует развитию творческой активности личности, ведь «как только политические учреждения начинают указывать каждому, чем ему заниматься, все делается нехотя и с безразличием» (С. 670).

Для воспитания и просвещения граждан, утверждал автор «Политической справедливости», нужна полная свобода слова и печати. Совершенно недопустимо какое-либо влияние государства на эту сферу общественной жизни. «Единственный реальный способ распространения истины — дискуссия, где ошибки каждого могут быть выявлены при внимательном и строгом исследовании его доводов другими людьми. Все, что требуется от должностных лиц, по крайней мере при исполнении ими своих обязанностей, — нейтралитет. Вторжение властей туда, где нужны лишь рассуждения и доказательства, всегда наносит вред» (С. 186). Людям свойственно ошибаться, и нет никакой гарантии того, что власть имущие, используя силу государства для распространения в народе воззрений, искренне почитаемых ими за истину, не содействуют на самом деле укоренению в умах очередного заблуждения. Даже если речь идет об идеях, кажущихся «ересью» и «нелепостью», запрет высказывать их недопустим, подчеркивал Годвин. Во-первых, нередко самые экстравагантные мысли предшествуют великим открытиям. Например, мечты Птолемея предваряли озарения Нью-

тона... То же может произойти и в политике. Во-вторых, ошибочные суждения исправляются только убеждением, а не наказанием, ибо насилие порождает ответное насилие.

Поскольку государство, по мнению Годвина, не способно стать орудием преобразования общества, вся тяжесть выполнения сей высокой миссии падает на плечи представителей просвещенного меньшинства, что возлагает на них особую моральную ответственность. «Они должны быть деятельными, неутомимыми и бескорыстными. Им надлежит воздерживаться от возбуждающих речей, от всяких едких и грубых выражений. Правительству не надо брать на себя в этом деле роль цензора и устанавливать норму для определения допустимой степени свободомыслия и благопристойности; но именно поэтому тем, кто публично выступает с изложением своих взглядов, необходимо строго следить за собой» (С. 879). Эти люди, писал философ, обязаны быть до конца честными перед своими согражданами. Никакие соображения не должны препятствовать доведению до народа всей правды по любому из вопросов. «Нельзя себе представить ничего более вредного, чем правило, предписывающее считаться с духом времени и говорить только то, что, как нам кажется, наши современники способны понять. В настоящее время такая практика принята почти повсеместно и служит признаком весьма глубокой испорченности... Мы утверждаем, что истина, пригодная для одной страны, не пригодна для другой, хотя сами-то знаем о ее вечной и неизменной сущности. Обманывая со спокойной совестью других, мы обманываем прежде всего себя» (С. 880). Удивительно, насколько современно для нас звучат мысли английского философа, высказанные еще два столетия назад.

Период постепенных преобразований, связанных с распространением истины, окажется, по убеждению Годвина, довольно продолжительным. Его итогом станет справедливое перераспределение собственности между всеми членами общества. Оно не будет представлять собой грубоуравнительной, насильственной дележки, а произойдет исключительно добровольно, вследствие изменения взглядов самих собственников. «Если способность людей к познанию истины будет расти, что, конечно же, намного ускорится после ликвидации порочных форм правления, замедляющих сегодня

прогресс, те же доводы, что убедили в несправедливости политического неравенства, покажут несправедливость положения, когда один человек нуждается в том, чем другой без пользы для себя обладает» (С. 888). Ранее я уже отмечал, что Годвин, высоко ценя интеллектуальную деятельность, несправедливо принижал значение материальной стороны жизни и, в частности, чувственных удовольствий. Соответственно этому он относил богатых к числу страдающих от имущественного неравенства, ибо оно развращает их. Именно из убеждения в том, что стремление к богатству — результат заблуждений рассудка, вытекала мысль о возможности радикального перевоспитания собственников путем их просвещения. «Когда у людей возникнет ясное и прочное представление о нелепости роскоши, когда соседи проникнутся к ней таким же пренебрежением, невозможно будет вообразить себе, что кто-либо станет тогда стремиться к богатству с прежней алчностью» (С. 889). Правда, случится это далеко не сразу. Сначала изменения будут довольно скромными: торговцы станут получать меньше прибыли, наниматели начнут более щедро оплачивать труд рабочих. Со временем предприниматели, устыдившись процветания за чужой счет, откажутся от своего богатства. Тех же, кто станет упорствовать в заблуждениях, будут постепенно перевоспитывать, и в конце концов они признают ошибки. Здравый смысл и справедливость торжествуют, наступит царство свободы и равенства.

Разумеется, мечта Годвина о возможности только лишь путем воспитания и просвещения создать новый социальный строй утопична. Автор «Политической справедливости» верно подметил важную роль, которую играет массовое сознание в жизни общества, но абсолютизировал данную сторону действительности. Поэтому, хотя в его работе встречается немало тонких и интересных мыслей, не потерявших значения и поныне, о взаимосвязи процессов, происходящих в общественном сознании, с социально-политическими преобразованиями, конечный вывод, как и результат любой абсолютизации, далек от реальности. Опыт истории да и лично Годвина показал, что провозглашение даже самых прекрасных принципов, не будучи подкреплено созданием определенных материальных условий для их осуществления, не способно изменить мир. Можно сколько угодно утверждать тому, кто владеет излишком ма-

териальных благ, что нехорошо наслаждаться ими, когда кто-то в чем-то нуждается, и этот человек, возможно, даже согласится с вами, но от своих преимуществ едва ли сам откажется, ибо чувственные удовольствия и материальные потребности, как правило, в большинстве случаев оказываются сильнее доводов, обращенных к рассудку. Члены идеального общества, задуманного Годвином, должны быть абсолютно иными, несравненно более высокоорганизованными существами, нежели обыкновенные смертные, населявшие нашу планету и двести, и сто лет назад, а также населяющие ее сегодня. Гармония отношений в совершенном обществе будущего, согласно Годвину, должна достигаться неукоснительным, сознательным и добровольным выполнением требований рационалистической морали каждым человеком. Возможно, когда-нибудь люди достигнут столь высочайшей степени развития, но перспектива эта представляется настолько отдаленной, что едва ли реалистично рассматривать ее в качестве способа разрешения конкретных социальных проблем сегодняшнего дня.

Правда, самому Годвину такой путь казался вполне реальным. И отнюдь не ему одному. Философы-рационалисты XVIII столетия, видя подтверждение силы разума в быстром разрушении средневекового мировоззрения, еще за два-три века до того безраздельно владевшего умами, верили, что таким же скорым окажется прогресс нравственности, основанной на разумных началах. Большинство мыслителей, предлагая тогда тот или иной социальный идеал, связывало его достижение с моральным совершенствованием человечества. Именно поэтому самым распространенным видом утопии в XVIII в. была этическая утопия, отводившая морали роль важнейшего, а часто и единственного регулятора социальных отношений. Годвин полностью разделял иллюзии своих современников, идеализировавших «человека разумного» до тех пор, пока смерч Французской революции не разбил вдребезги их самые светлые надежды.

Однако мне сейчас не хотелось бы акцентировать внимание на утопизме годвиновского учения, взятого в целом. Гораздо важнее отметить те его элементы, что стали новым словом в европейской социально-политической мысли и пережили крах всей доктрины. Дабы подчеркнуть значение ряда ключевых моментов теории

английского философа, сравним ее с системой воззрений, также оказавшей немалое влияние на последующие поколения мыслителей и политиков, а именно: со взглядами вождя французских якобинцев Максимилиена Робеспьера и его ближайших сподвижников.

Подобно Годвину, Робеспьер в основе социальных и политических проблем видел прежде всего этическое начало. Французская революция представлялась ему проявлением вселенской борьбы добра и зла, добродетели и порока. Конечной целью общественных преобразований робеспьеристы считали достижение социального идеала, основанного, как и совершенное общество Годвина, на принципах высшей нравственности. Именно мораль должна была, по их мнению, стать регулятором общественной жизни. Ни Робеспьер, ни его соратники не предусматривали вмешательства государства в имущественные отношения с целью уравнивания состояний. Даже знаменитые вантозские декреты предполагали конфискацию собственности лишь врагов революции, то есть являлись, в сущности, мерой наказания, а не социальной политики. Справедливое перераспределение материальных благ мыслилось сторонниками Робеспьера (и здесь тоже напрашивается аналогия с годвиновским планом) как постепенный процесс, инициатива которого будет исходить от самих собственников, проникшихся принципами высокой морали, гласящими: «богатство — позор», «бедность добродетельна».

Итак, исходный пункт — порочное, несовершенное общество конца XVIII в. и пункт конечный — прекрасное царство высокой нравственности и добродетели у Годвина и Робеспьера в целом совпадают. Но вот то, что находится посредине, — период перехода общества к идеальному состоянию — представлялось им поразному. Если, согласно Годвину, главное условие нравственного воспитания людей — демократия при сведении к минимуму функций государства, если он призывал предоставить широчайшие возможности для развития умственных способностей и самостоятельного мышления людей посредством дискуссий и свободного поиска истины, то Робеспьер предлагал нечто прямо противоположное. Основное средство нравственного воспитания у него — государство, которое должно следить за соблюдением норм морали и пре-

секать проявления порочности. Причем это государство — диктатура, широко применяющая террористические методы управления. «Добродетель без террора бессильна», — считал вождь якобинцев. Всякое отступление от принципов морали — преступление. Слова «контрреволюция» и «безнравственность» использовались в речах робеспьеристов едва ли не как синонимы. Наиболее страшным обвинением в их глазах было обвинение в «моральной испорченности», предполагавшее, как правило, смертную казнь. Иными словами, принцип принуждения возводился в абсолют. Человеку давался выбор: беспрекословное повиновение нормам абстрактной морали или смерть. Естественно, попытка воплотить в реальную жизнь данный вариант этической утопии привела к многочисленным и бессмысленным жертвам. В последние месяцы своего существования якобинская диктатура находилась в некотором смысле в состоянии войны против всего народа. Быть может, поэтому столь легким и почти бескровным стало свержение 9-го термидора, казалось бы, всемогущего робеспьеристского триумvirата.

Однако идеи Робеспьера надолго пережили своего творца. Уже через несколько месяцев мысль о необходимости жесткого принуждения как основного фактора переходного периода была подхвачена Гракхом Бабёфом, руководителем «заговора равных», имевшим, в свою очередь, немало последователей и подражателей в XIX в.

Таким образом, уже в конце XVIII в. одновременно с началом разработки идеи длительного перехода к справедливому обществу обозначились два кардинально различных взгляда на решение данной проблемы. С известной долей условности эти концепции можно определить как «путь убеждения» и «путь принуждения»³. Именно они и стали вехами, наметившими направления поисков, которые велись в этой области социально-политической мысли Европы на протяжении двух последующих столетий. Развивались

³ Условность здесь заключается в том, что сторонники убеждения в большинстве случаев не отрицают необходимости некоторой ограниченной степени принуждения (например, по отношению к преступникам) и наоборот. Речь, следовательно, идет лишь о преобладающей тенденции, а не о каком-либо абсолюте.

общественные науки, обогащались знания о существующем обществе — исходном пункте преобразований, менялись представления о пункте конечном — социальном идеале, к которому надо стремиться, однако вопрос о «дороге к храму» решался авторами различных систем, как правило, в русле либо того, либо другого из названных выше подходов. Поэтому хотелось бы особо подчеркнуть, что одним из первых, кто наиболее последовательно отстаивал мысль о необходимости воспитания посредством демократии и убеждения как главного фактора воздействия на общественное сознание во время переходного периода, был Уильям Годвин.

ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Каким оно будет — прекрасное и совершенное общество социальной справедливости? Ответ на сей вопрос люди хотели получить и сто, и двести, и тысячу лет назад. А разве не желаем заглянуть вперед и мы? Увы, будущее сокрыто во мгле неизвестности. О нем можно только догадываться, размышляя над тем, что было вчера и что происходит сегодня. Сколь же медленно меняется мир, если и сейчас мы можем лишь мечтать о том, к чему Годвин призывал еще на исходе XVIII века!

Наивысшая социальная ценность, по мнению английского философа, — полная свобода личности. «Самое большое из всех личных благ, — писал он, — душевная независимость, позволяющая нам чувствовать, что наше счастье не зависит от прихотей людей и судьбы» (С. 793). При этом мыслитель особо отмечал, что ратует за независимость «естественную», то есть за свободу от внешнего принуждения. «Моральную» же независимость, состоящую в пренебрежении общественным мнением и требованиями нравственности (позднее ее станет проповедовать Шарль Фурье), Годвин резко осуждал. Индивид, считал он, должен четко осознавать свои моральные обязанности перед обществом и неукоснительно выполнять их. В данной связи Годвин высказал чрезвычайно любопытную, внешне парадоксальную, но не лишенную значительной доли истины мысль: истинно свободный и действительно совершенный человек ни в один из моментов своей социально значимой деятельности не имеет свободы выбора, ибо моральный им-

ператив всякий раз оставляет ему единственный путь — тот, что ведет к наибольшей общественной пользе. Но каждый выбирает этот путь сугубо добровольно, исключительно по велению собственного разума. Всякое же общественное принуждение по отношению к индивиду, считал Годвин, непримиримо противоречит важнейшему социальному принципу — личной независимости.

Намеченное в «Политической справедливости» устройство идеального общества было рассчитано на достижение главной цели — освобождение личности. Чтобы стать духовно независимым, индивид должен располагать возможностями для всестороннего интеллектуального развития. Необходимо всем предоставить открытый доступ к образованию и создать условия для занятий любым из видов умственного труда. Тогда-то и будет прерван сон души, в который погружена подавляющая часть человечества, восклицал философ. Можно будет без всяких ограничений посвятить себя любой из наук, любому из искусств. Вот когда исчезнут преграды для быстрого интеллектуального прогресса общества!

Непременным условием предоставления столь широких возможностей для духовного творчества должно стать, согласно Годвину, всеобщее участие в производительном, в первую очередь сельскохозяйственном, труде. Предусматривалось право каждого на отдельный участок земли. Годвин решительно отвергал общественную собственность и совместный труд, будучи убежден, что они ведут к порабощению отдельной личности коллективом. Определенный смысл в его утверждении, несомненно, имеется. Мы и сегодня ищем такие формы организации трудовой деятельности, какие позволили бы преодолеть ее обезличенность, дабы каждый чувствовал себя хозяином на своем месте, полностью отвечая за результаты собственной работы. В эпоху Годвина материальное производство имело сравнительно невысокий уровень обобществления: в сельской местности основной производственной ячейкой была ферма, в городе — ремесленная мастерская (промышленный переворот находился в начальной стадии своего развития). Поэтому переход к чисто индивидуальному труду представлялся философу сравнительно несложным. Любой человек, считал он, сможет в одиночку обработать собственный участок, тем более что в будущем прогресс разума приведет к созданию мощных машин, ко-

торые намного облегчат сельскохозяйственный, как, впрочем, и всякий другой труд. Остальные предметы также будут изготовляться индивидуально при помощи разнообразных технических средств. Правда, не исключалась и определенная специализация. Кроме того, поскольку многие виды непродуцительной деятельности окажутся бесполезными (никто не будет управлять сложным государственным механизмом, не останется сборщиков налогов, надсмотрщиков, акцизных и таможенных чиновников, писцов и секретарей, исчезнут армии и флоты, придворные и лакеи (С. 821), занятые в них люди обратятся к производительному труду. Следовательно, для создания необходимых материальных благ каждому его члену придется работать физически гораздо меньше, чем ранее — крестьянам и ремесленникам. Освободится дополнительное время для интеллектуального развития.

Никакой законодательной регламентации размеров собственности да и любых законов вообще Годвин для идеального строя не предусматривал. «Так как естественное состояние общества, — писал он, — несовместимо с законами и ограничениями, недопустимо даже то ограничение, которое запрещает людям накапливать собственность» (С. 856). Пусть у индивида будет столько земли, сколько он сумеет обработать. С продуктами своего труда каждый сможет поступить так, как ему заблагорассудится, не отчитываясь ни перед кем. Более того, человек сам выберет, к какой из общин будет причислена возделываемая им земля. Единственное, чего нельзя делать, — это передавать собственность по наследству. Но поскольку институт брака со временем исчезнет, то не останется и естественных основ для наследования, ибо «невозможно окончательно сказать, будет ли при таком состоянии общества известно, кто отец того или иного ребенка» (С. 852).

Возникает вопрос: не приведет ли такой порядок вещей вновь к неравенству, ведь способности у всех разные, кто-то произведет больше, кто-то меньше? Если бы речь шла об обыкновенных людях, коих вдруг взяли и уравниали, оставив затем жить так, как им захочется, ответ на этот вопрос, несомненно, был бы положительным. Но ведь жителям идеального общества Годвина предстояло пройти длительный путь интеллектуального и нравственного совершенствования. «Попытки уравнивания, предпринятые без такой под-

готовки, — отмечал философ, — приведут только к беспорядку. Они дадут лишь кратковременный результат, за которым последует новое, еще более варварское неравенство. Люди, сохранив прежнюю алчность, станут искать возможность удовлетворить любовь к власти и почету за счет доверчивых соседей» (С. 820).

При идеальном же строе поведение любого человека будет находиться в полном соответствии с принципами рационалистической морали. Даже сама мысль о накопительстве покажется ему смешной и нелепой. Осознав вред излишества, люди научатся обходиться необходимым минимумом материальных благ. Излишки произведенной ими продукции они добровольно и с радостью передадут тем, кто в ней нуждается. В то же время никому из трудоспособных мужчин и женщин даже в голову не придет злоупотребить бескорыстием других, дабы самому, ничего не делая, жить за чужой счет. Этого там не может быть потому, что этого там не может быть никогда. Естественно, при подобном порядке отпадает всякая нужда в каких-либо общественных органах, занимающихся распределением. Высокая нравственность и сознательность всех лиц исключают необходимость вмешательства общества в сферу имущественных отношений.

Исчезнет в будущем и государство. Этот институт, утверждал Годвин, вовсе не является неотъемлемым атрибутом человеческого общества. Как-то раз Томас Пейн удачно заметил: «Общество и государство отнюдь не совпадают и имеют разные источники происхождения. Общество — результат наших потребностей, государство — плод нашей испорченности. Общество — всегда благо, государство же и в наилучшем виде — лишь необходимое зло». Годвин полностью разделял это убеждение. Поскольку нужда в организации принуждения, заявлял он, обусловлена моральным и интеллектуальным несовершенством людей, то с прогрессом нравственности и разума необходимость в государстве обязательно отпадет.

Однако процесс исчезновения государственных институтов, по мнению философа, окажется весьма продолжительным. Выше отмечалось, что Годвин предлагал уже в переходный период свести количество и функции государственных органов к минимуму. В дальнейшем по мере повышения сознательности народа и без того

немногочисленные директивные решения национального собрания и местных выборных советов сменятся рекомендациями. А затем, «если выборные советы вовсе перестанут давать распоряжения и ограничатся предложениями, если принуждение мало-помалу исчезнет и окажется достаточно одной лишь силы разума, разве не придется отменить как бесполезные и сами выборные советы, и все другие виды политических учреждений?» (С. 578).

Столь же излишним при наилучшем строе Годвин полагал и право. Он верно указал на то, что любой закон может существовать лишь ограниченный период времени. Социальные отношения весьма подвижны; они быстро меняются, и норма права, вчера еще более или менее адекватно отражавшая их состояние, сегодня оказывается безнадежно устаревшей, становясь препоной для дальнейшего развития общества. «Право не менее религиозных догм, катехизисов и официальных присяг обладает тенденцией к сохранению человеческого рассудка в застое и к установлению неизменности там, где имеет место стремление к бесконечному совершенствованию, а ведь данное качество только и является благотворным свойством разума» (С. 770). Противоречие формы и содержания тут действительно бросается в глаза. Кроме того, здесь существует еще одно, не менее важное, противоречие — единичного и общего, ведь право есть не что иное, как попытка мерить одной меркой разных людей. «Легенда о Прокрусте, — отмечал Годвин, — дает нам лишь слабое представление о том, к чему постоянно приводит право. Вопреки великому принципу философии природы, гласящему, что во всей Вселенной нет и двух одинаковых атомов материи, оно стремится подвести под единый стандарт действия людей, состоящие из тысяч неповторимых элементов» (С. 770).

Верно указав на реальные противоречия социальных отношений и права, Годвин, однако, избрал для их решения путь, типичный для утопического сознания: он просто предложил устранить одну из противоположностей, считая, что с отменой правовых институтов исчезнут и все связанные с ними коллизии. Если для идеального строя такой шаг мог быть обоснован тем, что регулятивную функцию целиком берет на себя мораль, то для переходного периода (а ликвидацию права Годвин советовал провести

сразу после политической революции) данная мера едва ли могла быть оправдана чем-либо иным, кроме явно завышенного мнения о способности только что освободившихся людей жить строго «по разуму». Впрочем, надо подчеркнуть, что утопизм философа проявился в этом случае лишь при определении пути, ведущего к идеалу. Направление же, несомненно, выбрано им правильно. Социальный прогресс предполагает раскрепощение личности, снятие различного рода внешних ограничений ее активности, в том числе юридических. Правда, идти к этому, видимо, целесообразней не путем немедленной отмены законов, а через постепенное совершенствование правовых институтов, ведущее к сокращению регулируемой ими сферы и в конце концов к их отмиранию.

Итак, идеальным для Годвина представлялось общество, открывающее наибольшие возможности свободного интеллектуального, нравственного и физического развития личности. Только в нем можно достичь гармонии социальных отношений в целом. Позднее многие исследователи односторонне толковали взгляды Годвина на соотношение личного и общественного, объявив его сторонником крайнего, «антисоциального» индивидуализма. Это, конечно же, неверно. Человек для Годвина первичен, но человек социальный. Совершенная личность не мыслилась английским философом вне стремления к благу всего общества. Именно это качество рассматривалось им как основной критерий нравственного поведения. Сознательное и добровольное служение обществу каждого его члена, свободного от всех видов экономической, политической, интеллектуальной зависимости, должно было, по мнению Годвина, стать несравненно более надежным гарантом прочности социальных связей, нежели механизм государственного принуждения.

Значение мысли Годвина о том, что степень свободы личности является мерилom общественного прогресса, станет нам гораздо понятней, если мы сравним его систему взглядов с другой, ей современной, также оказавшей большое влияние на социалистические идеи следующего столетия. Речь идет о воззрениях французского революционера Гракха Бабёфа, возглавившего «заговор равных», чтобы воплотить в жизнь свой идеал совершенного общественного строя. О том, что Бабёф и его единомышленники понимали под справедливым социальным устройством, мы можем уз-

нать из проектов декретов, которым участники заговора хотели придать силу закона после прихода к власти¹.

Новый социальный порядок на всей территории Франции предполагалось ввести не сразу после бабувистской революции, а в течение некоторого времени после нее — тоже своего рода переходного периода. Сначала намечалось учреждение большой общины, куда включались бы земли, принадлежавшие нации в целом, а также собственность, добровольно передаваемая гражданами, желающими стать членами общины. Те, кто не захотел бы в нее войти, могли бы продолжать жить по-прежнему. Может показаться, что и здесь переход к новым социальным отношениям намечалось провести на основе добровольности и сознательности. Но это — лишь видимость. Проектами бабувистских декретов предусматривается ряд мер, направленных на то, чтобы сделать жизнь вне общины абсолютно невыносимой. С определенного срока все «необщинники» лишались бы гражданских прав. Намечалось обложить их натуральным налогом в пользу общины, сумма которого ежегодно возрастала бы вдвое. «В случае необходимости» община могла потребовать единовременной выплаты налога за несколько лет вперед. Естественно, при такой постановке дела принцип добровольности оказался бы фикцией. Людей просто хотели загнать в общину. А что ожидало бы их там?

Наиболее характерная особенность программных документов бабувистов — стремление к жесткой регламентации не только общественной, но и индивидуальной жизни. Многочисленная администрация (верховная, региональная, «промежуточная», департаментская, муниципальная) должна была контролировать буквально каждый шаг человека. Все общество делилось по специальностям на классы. Стоящие во главе их должностные лица обязаны были следить за работой рядовых членов. Продукты труда подлежали сдаче на государственные склады, откуда членов общины снабжали бы в централизованном порядке одеждой, едой и всем необходимым, «поддерживая среди них равный и умеренный достаток». Питание предполагалось осуществлять путем организации общественных

¹ См.: Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. — Т. 2. — М., 1963. — С. 296—314.

трапез по рациону, утвержденному администрацией. Гражданам определялось постоянное место жительства, менять которое можно было только по решению властей.

О духовной жизни в проектах декретов говорилось очень мало. Там же, где этот вопрос затрагивался, речь шла о детальной административной регламентации интеллектуальной деятельности. Так, преподавание и занятие научной работой разрешались только лицам, «имеющим свидетельство о гражданстве», то есть тем, чьи взгляды отвечали соответствующему стандарту. Некоторые же участники заговора считали, что общество будущего вполне мыслимо и без духовного творчества. Автор «Манифеста равных» Сильвен Марешаль писал: «Пусть исчезнут, если надо, все искусства, только бы осталось подлинное равенство!»².

За любые отступления от установленной нормы поведения (не только юридической, но и моральной) бабувисты, являвшиеся в данном отношении прилежными учениками Робеспьера, намеревались карать самым жестоким образом. Осуждению на принудительные работы подлежали «лица обоего пола, подающие обществу вредный пример отсутствия у них гражданского сознания». Разумеется, под такую статью легко можно было подвести любое действие или бездействие неугодного властям человека.

Таким образом, совершенный строй бабувистов напоминает скорее мрачную казарму, чем счастливое свободное общество. Он настолько резко контрастирует с системой Годвина, что едва ли нужно здесь проводить подробный сравнительный анализ по отдельным аспектам. Перед нами два противоположных взгляда на то, что считать высшей социальной ценностью, к коей необходимо стремиться. Согласно первому из них человек должен быть счастлив исключительно тем, что сыт, что во всем равен другим, что все вокруг общее. Второй же считает удовлетворение материальных потребностей лишь предварительным условием для обеспечения подлинно человеческого существования, предполагающего богатство духовной жизни, полное развитие лучших индивидуальных качеств, возможность применения своих способностей на благо об-

² Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. — Т. 2. — С. 135.

щества. Здесь мы видим истоки двух традиций формирования социального идеала, существующих в истории социалистических идей вот уже два столетия. Даже сегодня отнюдь не все теоретики социализма могут преодолеть унаследованное от средневекового сознания представление о необходимости строгой государственной регламентации всех сторон жизни. Годвин же сумел это сделать еще на исходе XVIII в.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта глава посвящена воззрениям Уильяма Годвина на проблемы войны и мира. Я счел полезным рассмотреть данный вопрос отдельно, чтобы подчеркнуть вклад английского философа в развитие пацифистской мысли, которая имеет свою богатую историю — историю, хотя и связанную с общей историей социально-политических идей, однако обладающую определенной самостоятельностью и рядом особенностей.

Война издревле была бичом человечества, и с давних пор люди лелеяли мечту о всеобщем мире. Уже в мифологии многих народов встречается образ «золотого века» — времени, когда люди не знали вражды и насилия. Но прошло немало столетий, прежде чем идею всеобщего мира освоила философская мысль Европы. Великие философы античности призывали к миру между эллинами, считая вполне естественными войны с варварами. Так, Платон и Аристотель осуждали междоусобицы греков, но отнюдь не войну вообще. В средние века европейские мыслители порицали войны с позиций христианской этики. Они ограничивались призывами к установлению мира между христианскими народами, что нередко дополнялось советом всем христианам объединиться для борьбы с «неверными».

Только гуманисты эпохи Возрождения сумели подняться до осуждения войн как общественного явления и поставить вопрос о полном их устранении из жизни человечества. Эразм Роттердамский, Себастьян Франк, Ян Амос Коменский и другие философы XVI—XVII вв. клеймили войну как величайшее бедствие для рода людского. Критика эта носила рационалистический и религиозно-этический характер. Войну считали порождением глупости и мо-

ральных пороков: лицемерия, стяжательства, тщеславия. Социальные ее причины оставались вне поля зрения гуманистов.

В XVII—XVIII вв. появились труды, авторы коих предлагали в качестве средства установления всеобщего мира систему международных правовых гарантий. Утопичность их проектов состояла в том, что их создатели, идеализируя абсолютистские правительства, верили в способность монархов осознать свой моральный долг перед народами и заключить всемирный договор о ненападении. Выдающийся философ-просветитель Жан Жак Руссо указал на неосуществимость подобных проектов. Бесплезно, подчеркнул он, ожидать от деспотов стремления к миру, ибо война дает им огромную выгоду, позволяя грабить соседние народы и держать в повиновении собственный. Идея Руссо о зависимости внешней политики правительств от их внутренней политики стала важным вкладом в развитие пацифистской философии.

Дальнейшая эволюция этой идеи связана с годвиновским трактатом «Политическая справедливость». Английский философ видел в войнах одно из наиболее негативных следствий несправедливых общественных отношений. «Давно подмечено, — писал он, — что история человечества едва ли представляет из себя нечто большее, чем историю преступлений. Война до сих пор считалась неотъемлемым атрибутом политических институтов» (С. 5). Обращаясь к древним хроникам, Годвин с возмущением отмечал, что они содержат лишь бесконечные описания «подвигов» завоевателей и военачальников. Такие монархи, как египетский фараон Сестострис или персидский царь Кир, собирали под свои знамена миллионы людей и захватывали бесчисленные провинции, но после их походов лишь немногие воины возвращались домой, остальные же гибли на чужбине в сражениях, от болезней, лишений и трудностей. Еще более тяжко страдали народы, подвергшиеся этим нашествиям.

Великие державы древности — Персидская, Македонская, Римская — являли собой, по мнению Годвина, лишь различные варианты порабощения человечества, осуществленные путем кровопролития и насилия. Походы Камбиза против Египта, Дария — против скифов, Ксеркса — против греков кажутся философу почти невероятными по тем последствиям, к которым они привели. Победы Александра Македонского куплены ценой несчетного количе-

ства смертей, а «бессмертие» Цезаря стоило жизни 1200 тысячам людей. В отличие от большинства просветителей, противопоставлявших античность феодализму, а потому идеализировавших ее, автор «Политической справедливости» видел, например, в истории Древнего Рима не перечень примеров проявления «республиканской добродетели», а лишь длинный ряд кровавых завоеваний.

Переходя к рассмотрению истории «наиболее просвещенных» стран Европы (Англии и Франции) в XIV—XVIII вв., Годвин указывал, что уже пять столетий они не знают мира. Во Франции Столетняя война и религиозные усобицы, Тридцатилетняя война и авантюры Людовика XIV беспрерывно сменяли друг друга. В Англии по окончании Столетней войны началась гражданская — Алой и Белой роз, после некоторого перерыва — еще одна гражданская война Карла I против парламента. Насыщен был войнами и XVIII в.: за испанское наследство, за австрийское наследство, Семилетняя. О том, насколько кровопролитными они оказались, можно судить хотя бы по тому, что во время осады Ла-Рошели из 15 тыс. осажденных погибли от голода 11 тыс., а в Варфоломеевскую ночь было перебито более 40 тыс. человек.

Дабы показать читателям, какое страшное зло война, автор «Политической справедливости» предложил им мысленно перенестись на поле битвы. «Здесь люди сознательно тысячами уничтожали друг друга, лично не имея ничего против своего соперника и даже не будучи знакомы с ним. Равнина пестрит картинами смерти во всех ее видах. Раны являют собой зрелище самых разнообразных способов причинения страданий человеческому телу. Города пылают; корабли взлетают на воздух и сверху сыплются оторванные конечности; поля лежат в запустении; жены мирных жителей беззащитны перед насилием, а детей их ожидают голод и лишения. Было бы неуместно наряду с этими ужасными зрелищами, вызывающими у тех, кто был их очевидцем или слышал о них, крах всех представлений о справедливости, упоминать также об огромных ценностях, отнятых посредством налогов у людей, живущих далеко от мест этих» (С. 516—517). Война, подводил итог Годвин, по самой своей природе — зло, какими бы причинами она ни была вызвана, а потому ее надо избегать, пока для этого есть хотя бы малейшая возможность.

Отмечавшаяся нами выше особенность годвиновской книги, в которой отразилась эволюция взглядов автора за 18 месяцев, относится и к вопросу о причинах войн. В первой книге Годвин, подобно большинству философов Просвещения, ограничился рационалистическим объяснением причин военных конфликтов. Войны изображались им как результат заблуждений и моральных пороков людей. Для иллюстрации своей мысли Годвин цитировал описание жизни «неразумных еху» (людей) из «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта: «Иногда ссора между двумя государями разгорается из-за решения вопроса, кому из них надлежит изложить третьего, хотя ни один из них не имеет на то никакого права. Иногда один государь нападает на другого из страха, как бы тот не напал на него первым; иногда война начинается потому, что неприятель слишком силен, а иногда, наоборот, потому, что он слишком слаб...»¹

В последующих же главах Годвин углубил анализ проблемы происхождения войн. И хотя он полностью не отказался от рационалистической трактовки войны как результата заблуждений и моральных пороков: тщеславия и алчности, однако поднялся на более высокий уровень обобщения, связав эти пороки, а значит, и войну, с социальными отношениями, и прежде всего с имущественным неравенством. «Из всех человеческих страстей самые большие опустошения производит тщеславие. Оно побуждает захватывать область за областью, королевство за королевством. Оно ведет к тому, что кровопролитие, бедствия и войны распространяются по всему земному шару. Но сама эта страсть, как и способы ее удовлетворения, представляет собой следствие господствующей системы распределения собственности. Только благодаря накоплению один человек может добиться беспрекословного подчинения себе множества других людей. Благодаря соответствующему способу распределения дохода существуют сейчас все правительства в мире. Нет ничего более легкого, чем свергнуть народы, так организованные, в войну... Ясно, что война во всех ее ужасных проявлениях представляет собой результат неравномерного распределения собственности» (С. 811—812).

¹ С в и ф т Дж. Путешествия Гулливера. — М., 1955. — С. 329—330.

Трудящиеся, производители материальных благ, не заинтересованы в захватнических войнах, подчеркивал Годвин. Войны желают лишь те, кто получает от нее выгоду, а именно — монархи и аристократия. «Война и завоевание не могут быть благотворны для общества в целом. Они обладают тенденцией возвышать немногих за счет остальных и, следовательно, всегда имеют место лишь там, где большинство является орудием в руках меньшинства» (С. 512).

Так, римским патрициям завоевания служили не только для порабощения соседних народов, но и для того, чтобы держать в повиновении свой собственный, отвлекать своих сограждан от мыслей о несправедливости узурпации власти аристократией.

Поскольку война, согласно Годвину, — порождение несправедливых общественных отношений, путь к ее искоренению из жизни человечества философ видел в установлении совершенного социального строя, основанного на имущественном равенстве. «Если бы Европа была сейчас населена людьми, имеющими неплохое материальное положение без всяких излишеств, что могло бы тогда заставить различные страны вступать в вооруженные конфликты друг с другом? Если вы хотите увлечь людей на войну, то вы должны предложить им какие-либо стимулы. Если вы не можете воспользоваться издавна господствующей и уже устоявшейся системой отношений, позволяющей вам нанимать людей для своих целей, то придется каждого привлекать на свою сторону посредством убеждения. Но разве не безнадежно стараться таким способом побудить людей убивать друг друга?» (С. 812).

Заслуга английского философа в том, что он четко поставил вопрос об уничтожении имущественного неравенства как неперемennom условии достижения всеобщего мира. «До тех пор, пока существует этот источник зависти и развращения, разговоры о всеобщем мире будут пустыми мечтами. Но как только он исчезнет, не останется и его следствий» (С. 812).

Поскольку переход к новым общественным отношениям должен, по мнению Годвина, находиться в прямой зависимости от степени просвещенности народа, не одинаковой у разных наций, часть стран вступит на сей путь раньше, часть — позже. Соответственно в течение определенного периода государствам, где преобразования уже начались («демократиям»), придется существовать бок о

бок с теми, где еще господствуют отношения несправедливости и угнетения («монархии» и «аристократии»). Но уже тогда, считал Годвин, войны станут чрезвычайно редким явлением и будут иметь место только в случае агрессии «монархического государства» против «демократического». Самим же монархиям нет нужды опасаться стран, где восторжествовали равенство и справедливость, ибо демократии по самой своей природе не заинтересованы в войнах. «Народ, у которого воцарилось равенство, будет обладать всем для себя необходимым, если только будет иметь средства существования. Зачем же ему домогаться дополнительного богатства или территории?» (С. 512).

Агрессивная война, подчеркивал философ, всегда несправедлива, каким бы предлогом ее ни прикрывали. Он категорически осуждал превентивные войны, ибо военные приготовления другого государства не могут быть причиной для нападения. Не следует также начинать войну из-за оскорбления граждан своей страны или угрозы им на территории другой страны, так как нельзя отвечать на зло еще большим злом. Неправомерен и такой предлог, как «защита чести нации».

Единственно справедливыми Годвин признавал лишь два рода войн: в защиту свободы и независимости своей страны и в защиту свободы других народов. Нельзя, говорил он, «заставить другую нацию быть свободной», но если какой-либо народ желает освобождения, «наши долг и добродетель заключаются в том, чтобы помочь ему в этом» (С. 520).

Важное значение имеет мысль Годвина о возможном изменении характера войны. Правомерны военные действия ради изгнания захватчика за пределы своей страны, а также на территории агрессора с целью оказания помощи угнетенному им народу. Но если после того, как противник вытеснен за границу, оборонявшаяся ранее сторона продолжает борьбу для достижения материальных выгод (новых земель, контрибуций), то война становится несправедливой. Истинность данного теоретического положения английского мыслителя вскоре была подтверждена самой жизнью. Войны революционной Франции, начавшиеся как справедливые, после 1794 г. постепенно приобрели захватнический характер.

Если же демократическое государство будет строго руковод-

ствоваться требованиями справедливости и вести освободительную, всенародную борьбу против агрессора, армия любого деспота окажется обреченной на поражение. А когда правители монархий и аристократий поймут, что вооруженные столкновения со свободными государствами опасны и бесперспективны, войны станут редким явлением в международных отношениях.

Люди, считал Годвин, должны осознать, что национальная вражда бессмысленна и пагубна. Ни у одного народа нет реальных оснований ненавидеть другой народ. Торговать выгодней, чем воевать. «Противоречия наций суть плод нашего воображения. Если мы стремимся к богатству, то оно может быть получено только путем торговли; чем выше покупательная способность нашего соседа, тем больше сможем мы ему продать. Процветание всех — в интересах каждого. Чем лучше мы поймем, в чем наше собственное благо, тем меньше у нас будет желания смущать мир нашего соседа» (С. 559).

Если пока нет возможности искоренить такое зло, как война, то надо хотя бы смягчить ее последствия, ограничив средства ведения боевых действий. Необходимо, утверждал философ, запретить жестокость по отношению к мирному населению, захват мирных судов, а также провести другие меры, чтобы снизить число жертв. Со временем эти меры должны привести к запрету войн вообще. Когда люди поймут свои подлинные интересы и получат возможность действовать в соответствии с ними, войны прекратятся. «Частые и упорные войны, заставляющие сейчас страдать человечество, были бы практически искоренены, если бы их сознательно поддерживали только те, кто их одобряет» (С. 136—137). Но все это станет реальностью только при совершенном общественном строе, при ликвидации имущественного неравенства и эксплуатации, считал автор «Политической справедливости».

ИДЕИ ГОДВИНА В XIX—XX ВВ.

Как нередко случается с действительно выдающимися мыслителями, опередившими время, социально-философские воззрения Годвина не были в полной мере поняты его современниками. Что привлекало к ним в период их недолгой популярности в 90-е годы

XVIII в.? Последовательность и стройность рационалистической аргументации. А что вскоре оттолкнуло от них прежних поклонников? Все тот же рационализм, ибо вера во всемогущество разума оказалась подорванной коллизиями Французской революции. Иными словами, и восхищение, и негодование современников вызывал скорее метод, чем сама система. Призыв к гармоничному сочетанию принципов свободы и социального равенства в те годы не встретил широкого отклика в британском обществе. У более или менее просвещенных слоев, в том числе у многих квалифицированных ремесленников, идея имущественного равенства неизменно вызывала ассоциацию с насильственной дележкой, творимой бушующей чернью, а потому им оказался ближе принцип политической свободы, поднимаемый на щит зарождающимся либерализмом. Сознание же формирующегося пролетариата было развито еще явно недостаточно для понимания истинной ценности свободы личности и поэтому действительно было в немалой степени проникнуто грубоуровнительными настроениями, столь чуждыми самой сути годвиновского учения. Не удивительно, что после периода недолгой и, как вскоре выяснилось, весьма непрочной популярности социальной теории Годвина о ней забыли.

В первой половине XIX в. о Годвине и в Англии и в других странах Европы чаще вспоминали как об экономисте, историке и авторе увлекательного, остросоциального романа «Калеб Уильямс», чем как о творце оригинальной философской системы. Весьма характерно отношение к нему русских социалистов-утопистов и революционных демократов В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Так, в рецензии на публикацию русского перевода «Калеба Уильямса» Белинский отмечал, что это вещь, «сделанная мастерски, если бы не два ужасных недостатка — убийственная растянутость и самый английский, то есть самый несносный морализм»¹. Рецензент сетовал на то, что переводчик не опустил те затрудняющие восприятие отступления, где автор изложил свои взгляды на проблемы морали. Иными словами, в Белинском литературный критик взял верх над философом. За интересным сюжетом он не разгля-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. 3. — М., 1953. — С. 111.

дел, а потому и не оценил той системы философских воззрений, для популяризации которых Годвин и написал роман, хотя подобное сочетание, возможно, и повредило несколько художественной стороне сочинения.

Более широкое представление о творчестве английского мыслителя имел Чернышевский, который был, в частности, знаком и с его философскими работами. Главным достоинством художественных произведений Годвина он считал их социально-критическую направленность. Чернышевский неоднократно отмечал, что сам он как писатель в этом отношении идет по стопам Годвина. Часто упоминал он об английском авторе и как об экономисте, блестяще полемизировавшем с Мальтусом. Социально-философская часть годвиновских воззрений Чернышевского не привлекла.

К «Политической справедливости» тогда обращались, как правило, для того чтобы использовать содержащуюся в ней острую критику эксплуататорских отношений. Так, например, поступали чартисты, публиковавшие в своих изданиях соответствующие отрывки из главного произведения Годвина. Роберт Оуэн также разделял ряд ключевых положений критической части годвиновского учения.

Однако уже с середины XIX столетия в европейской общественной мысли возрастает интерес к позитивной стороне теории Годвина. Среди тех, кто высоко ценил его идеи об устройстве совершенного общества, были Маркс и Энгельс. Еще в 1845 г., когда они задумали опубликовать «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов», Маркс, набрасывая план будущего издания, внес туда имя Годвина. Энгельс, правда, вначале возражал против того, чтобы печатать «Политическую справедливость», утверждая: «Годвин в конце своей книги приходит к выводу, что человек должен по возможности эмансипироваться от общества и использовать его лишь как предмет роскоши.., да и вообще он в своих выводах решительно *анти социален*»². Данное высказывание часто приводилось в качестве непреложной истины теми исследователями, кто отказывался видеть в Годвине социалистического мыслителя, причем последующие слова Энгельса обычно опускались. А ведь он при-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 27. — С. 26.

знавал: «Впрочем, я делал выписки из этой книги очень давно, когда мне самому многое еще было неясно, и во всяком случае должен ее еще раз основательно перечитать. Возможно, что она дает больше, чем я тогда в ней нашел»³.

Не знаю, удалось ли Энгельсу перечитать Годвина, но в дальнейшем он уже никогда больше не говорил о его «антисоциальности». Напротив, все последующие отзывы Энгельса об этом мыслителе содержат весьма высокую оценку его творчества. В книге «Положение рабочего класса в Англии» (1845) Энгельс отнес Годвина к числу крупнейших практических философов новейшего времени⁴. В подготовленной им вместе с К. Каутским статье «Юридический социализм» (1887) Годвин называется всемирно известным писателем⁵. Так же положительно отзывался об идейном наследии английского философа Маркс. В «Немецкой идеологии» (1845—1846), написанной им в соавторстве с Энгельсом, отмечен вклад Годвина в развитие теории эксплуатации⁶, а в «Теориях прибавочной стоимости» (1862—1863) Маркс прямо назвал Годвина «социалистическим писателем» XVIII века⁷.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: допустимо ли включать Годвина в число мыслителей-социалистов, если он, как мы видели, решительно отвергал общественную собственность? Ведь еще в школьных учебниках, а затем в курсах всеобщей истории и научного коммунизма нам настойчиво повторяют: нет и не может быть социализма, в том числе утопического, без принципа общественной собственности. Исходя из этого, к социалистам-утопистам относили Т. Мора, Т. Кампанеллу, Дж. Уинстенли и других сторонников общности имущества. А кого считали социалистами Маркс и Энгельс? Оказывается, далеко не одних только приверженцев обобществления собственности. Например, Сен-Симон, Фурье, Луи Блан, Прудон безоговорочно признавались ими в качестве социалистических теоретиков. Подчеркну, что среди представителей утопически-критического социализма (Сен-Симон, Фурье,

³ Маркс К., Энгельс Ф Соч — Т 27 — С 26

⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф Соч. — Т. 2. — С 463

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф Соч. — Т 21. — С 513

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 412—413.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф Соч. — Т. 26. — Ч. I. — С. 347.

Оуэн), который Маркс, Энгельс, а позднее и Ленин считали одним из источников марксизма, сторонником общественной собственности был один лишь Оуэн. В то же время основоположники марксизма категорически отрицали близость их воззрениям доктрины такого поклонника общности, как Бабаф. Его идеи, отмечали они, это «аскетически суровый, спартанский коммунизм, запрещающий всякое наслаждение жизнью»⁸. В бабувизме требование общности имущества выступало как необходимое следствие «равенства». Однако, утверждал Энгельс, «выдавать положение «равенство = справедливости» за высший принцип и за последнюю истину нелепо. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость — лишь в рамках противоположности к несправедливости; следовательно, над этими понятиями еще тяготеет противоположность по отношению к предшествующей истории, стало быть — само старое общество»⁹. Бабувистский идеал «казарменного коммунизма» с его грубым уравнильством бесконечно далек от марксистских представлений о социализме. Общественная собственность для Маркса и Энгельса — отнюдь не самоцель, не заветный рубеж, к достижению которого надо стремиться во что бы то ни стало. Для них она лишь необходимое средство, ведущее к конечной цели — освобождению личности. Именно предоставление наилучших условий для всестороннего развития индивидуальности и должно стать, по мнению основоположников марксизма, главной задачей социалистического общества. В 1894 г. Энгельс, отвечая на просьбу итальянского юриста Дж. Канепа сформулировать в немногих словах идею грядущей эры социализма, предложил следующую фразу из «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁰.

Учитывая все вышесказанное, становится ясно, почему классики марксизма имели веские основания считать годвиновскую систему социалистической. Действительно, по характеру выдвинутого им

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 19. — С. 191.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 637.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 39. — С. 167.

общественного идеала марксизм, несомненно, принадлежал к той традиции социальной мысли, в формировании которой важную роль сыграли идеи автора «Политической справедливости». В том, что касается отношения к государству, Годвин также значительно ближе к Марксу, чем Бабеф. Если для бабувистов административный аппарат — постоянно действующий фактор и, более того, гарант устойчивости социально справедливого строя, то, согласно и Марксу, и Годвину, политическая власть с уничтожением классовых противоречий неизбежно отомрет. Поэтому едва ли удивительно, что даже в упоминавшемся выше письме молодого Энгельса, единственном, где английский мыслитель порицался за его мнимую «антисоциальность», отмечалось, что годвинская «критика политики с политической и гражданско-общественной точки зрения» во многом близка взглядам Маркса¹¹.

На рубеже XIX—XX вв. наследниками Годвина объявили себя сторонники соперничавшего с марксизмом направления социалистической мысли — анархисты. Их «патриарх», выдающийся практик и теоретик революционного движения П. А. Кропоткин, провозгласил английского философа родоначальником анархизма¹². Одновременно в разных странах появились исторические исследования, в которых доказывался анархический характер годвиновского учения. Некоторые из этих работ были затем переведены и на русский язык.

Тезис об «анархизме» Годвина, несомненно, ошибочен, но опровергнуть его можно, лишь хорошо зная источники. Автор «Политической справедливости», как мы видели, отнюдь не призывал в отличие от подлинных анархистов к немедленной ликвидации государственных институтов. Напротив, он предполагал довольно длительное существование демократического государства в переходный период. И все же появление за короткий промежуток времени целого ряда трудов о «Годвине-анархисте» способствовало широкому распространению подобной оценки его творчества.

В советской историографии данная точка зрения утвердилась

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 27. — С. 25—26.

¹² См.: Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. — М., 1920. — С. 5, 19, 44.

особенно прочно в силу ряда обстоятельств, оказавших негативное влияние на развитие всей нашей исторической науки в 20—30-е годы.

В марксистской литературе России первых двух десятилетий XX в. история социалистических идей освещалась в том же духе, что и в произведениях Маркса и Энгельса. Требование общественной собственности не рассматривалось в качестве решающего критерия для признания того или иного учения социалистическим. Так, Г. В. Плеханов и В. И. Ленин относили к социалистам Сен-Симона и Фурье, Блана и Прудона¹³. Н. И. Бухарин, анализируя различные течения утопического социализма, считал таковыми и те направления социальной мысли, которые не предполагали обобществления средств производства. В то же время строй, где хотя и нет частной собственности, но существует эксплуатация одного класса другим (пусть даже «товарищески» и «сообща»), Бухарин социалистическим не признавал¹⁴.

Мнение о том, что любая теория, выдвигающая требование общественной собственности, является социалистической, распространилось в советской исторической литературе уже в 20-е годы, став вскоре господствующим. Это было связано с общей эволюцией идеологии в сторону обоснования сталинской модели социализма, Положение о свободном развитии индивидуальности каждого человека как основной цели социализма фактически отбрасывалось. Важнейшим критерием социалистического строя провозглашалась общественная собственность. Тем самым средство подменило собой цель. В изучении истории социалистической мысли наиболее активным проводником данной точки зрения стал академик В. П. Волгин, длительное время возглавлявший это направление научных исследований. Считая требование общественной собственности

¹³ См., например, статью В. И. Ленина «Переписка Маркса с Энгельсом», где Луи Блан упоминается среди «выдающихся социалистов» середины XIX в., а прудонизм как «самое серьезное и самое распространенное тогдашнее социалистическое учение» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т 24 — С. 267).

¹⁴ См.: Чудинов А. В. Н. И. Бухарин об утопическом социализме // История социалистических учений. 1989. — М., 1989.

стержневой идеей социализма всех времен¹⁵, Волгин создал весьма далекую от Марксовой концепцию, согласно которой крупнейшими представителями утопического социализма были Т. Мор, Т. Кампанелла, Дж. Уинстенли и другие сторонники обобществления имущества. Все, кто не соответствовал указанному критерию, социалистами не признавались. Доходило до того, что под эту категорию не попадал даже сам Сен-Симон. «Представление о Сен-Симоне-социалисте должно быть нами сейчас отвергнуто со всей решительностью»¹⁶, — писал Волгин. Зато чрезвычайно высокая оценка давалась грубоурavnительному, «казарменному коммунизму» Бабёфа, который объявлялся не больше и не меньше как «предшественником марксизма по прямой линии»¹⁷. Апофеозом же многовекового развития социалистической мысли провозглашались теоретические достижения И. В. Сталина¹⁸.

Естественно, при таком подходе Годвина более не считали социалистическим писателем. Волгин, признавая определенные заслуги английского философа в критике буржуазного общества, оценивал его позитивные идеи как мелкобуржуазное уравнильство и анархизм. С легкой руки академика определение Годвина в качестве основоположника анархизма вошло в учебники и справочную литературу, став теперь уж поистине общим местом. Это отнюдь не стимулировало исследования творчества данного мыслителя. Автору этих строк пришлось лично столкнуться с последствиями такого ныне глубоко укоренившегося отношения к годвиновскому идейному наследию. Когда в 1986 г. я предложил одному из научных журналов отметить 150-летие со дня смерти философа публикацией материала о его антивоенных взглядах, редактор испуганно всплеснула руками: «Ну что вы, зачем нам рекламировать

¹⁵ См.: Волгин В. П. История социалистических идей. — Ч. I. — М., 1924. — С. 12.

¹⁶ Волгин В. П. История социалистических идей. — Ч. II. — Вып. I. — М., 1931. — С. 21.

¹⁷ Волгин В. П. От Бабёфа к Марксу // Памяти К. Маркса: Сборник статей к 50-летию со дня смерти (1883—1933). — М., 1933. — С. 520.

¹⁸ См.: Волгин В. П. Развитие социалистических идей и сталинская Конституция. — М., 1942.

анархистов!» Характерно, что на этот юбилей не откликнулось ни одно из наших научных изданий.

Думается, давно пора очистить историю социалистических идей от многочисленных искажений, привнесенных в угоду политической конъюнктуре. Обращение к творчеству Годвина и других представителей социалистической мысли необходимо нам сегодня, чтобы наконец понять: где же все-таки наши истоки, откуда берет начало марксизм, о каком социализме мечтали те, кого мы так долго считали своими учителями?

Уильям ГОДВИН

**ИССЛЕДОВАНИЕ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
(ФРАГМЕНТЫ)¹****Книга I. Глава VII**

...Мы можем считать несомненным то, что свободные люди в любой стране будут решительными, энергичными и смелыми в той степени, в какой они обладают свободой, и что вассалы и рабы будут существами невежественными, подобоострастными и беспринципными.

Истинность данной аксиомы действительно была признана практически повсюду, и все же кое-кто считает, что «невозможно установить свободный строй там, где климат теплый и расслабляющий». Прежде, чем судить о разумности подобного утверждения, давайте посмотрим, что необходимо для введения свободного строя в любой стране.

Ответ на сей вопрос скрыт в ответе на вопрос другой: имеет ли свобода какие-либо реальные и существенные преимущества перед рабством? Если да, то в этом случае мы должны действовать точно так же, как и тогда, когда убеждаем принять какое-либо иное благо. Если мне надо уговорить человека приобрести большое поместье, обладание коим сулит реальную пользу; если мне надо побудить его взять себе в компаньонки прекрасную и

¹ Полностью основное сочинение У. Годвина никогда на русский язык не переводилось. В 1958 г. в серии «Предшественники научного социализма» вышла восьмая книга «Политической справедливости» — «О собственности», ознакомившись с которой, можно получить достаточно широкое представление о социальных воззрениях английского мыслителя. Политические же идеи философа, многие из которых актуальны и ныне, в том издании широкого отражения не получили. Публикуемые ниже отрывки из работы Годвина позволяют в какой-то степени восполнить этот пробел.

совершенную женщину или в друзья — мудрого, храброго и бескорыстного мужчину; если мне надо убедить его предпочесть наслаждение страданию, а удовольствие пытке, то разве для этого нашелся более подходящий способ, чем просветить разум и показать ему вещи в подлинном свете без прикрас? Разве потребовалось бы мне сначала выяснить, в каком климате он рожден и благоприятствует ли сие обладанию большим поместьем, очаровательной женщиной и верным другом?

Преимущества свободы перед рабством не менее реальны, хотя, к несчастью, менее очевидны, чем в перечисленных случаях. Каждый человек имеет смутное представление об этих преимуществах, но его приучили верить, что люди разорвут друг друга на куски, если у них не будет священников, управляющих их мыслями, лордов, руководящих их поведением, королей, которые ведут их верным курсом среди бесчисленных опасностей океана политики.

...Подлинные враги свободы в любой стране находятся не среди народа, а в тех высших слоях общества, которым выгодна прямо противоположная система. Внесите правильные представления об обществе в умы некоторого числа либерально образованных и мыслящих людей, дайте народу вождей и наставников — и дело сделано. Этого, однако, нельзя достичь иначе, как постепенно, о чем будет более подробно сказано ниже. Ошибка состоит не в том, чтобы терпеть худшие формы власти в течение некоторого времени, а в предположении, что изменение невозможно, и в отказе от непрерывного к нему стремления.

Книга III. Глава VII

Человек находится в состоянии непрерывного развития. Ему приходится меняться к лучшему или худшему, совершенствовать свои привычки или закреплять их. Предполагаемое новое правительство должно либо усилить наши предрассудки и страсти, раздувая их, либо, постепенно ослабляя их, вести дело к полному искоренению. В действительности же довольно трудно представить правительство, которое пойдет по второму пути. В силу самой своей природы любой политический институт имеет тенденцию к ог-

раничению гибкости и остановке умственного прогресса. Всякий же проект, ведущий к воплощению в жизнь какого-либо несовершенства, несомненно, вреден. То, что сегодня является значительным улучшением, в будущем через некоторое время, если останется без изменений, обусловит дефекты и пороки политической системы. Поэтому весьма желательно, чтобы каждый человек был достаточно мудр, дабы управлять своими делами без каких-либо внешних принудительных ограничений. А поскольку государственная власть даже в ее наилучшей форме является злом, основная цель, к которой надо стремиться, состоит в том, чтобы иметь ее так мало, как только требуется для поддержания мира в человеческом обществе.

Великим средством обеспечения прогрессивного умственного развития является доведение до народа (публикация) истины. Но отнюдь не государственной властью, ибо безошибочное определение того, что есть истина, особенно в спорных вопросах, — дело бесконечно сложное, а власть, как и отдельные индивиды, может тут ошибаться. В действительности же она даже еще больше склонна к ошибке, потому что обладающие властью явно испытывают сильный соблазн постараться увековечить существующее положение вещей при помощи невежества и слепой веры. Единственный реальный способ распространения истины — дискуссия, в которой ошибки каждого человека могут быть выявлены путем внимательного и строгого исследования его доводов другими людьми. Все, что мы должны требовать от облеченных властью лиц, по крайней мере, пока они находятся при исполнении своих обязанностей, это — нейтралитет. Вмешательство государства в сферу действия разума и убеждения всегда пагубно. Выступив в поддержку правого дела, оно способно этим вызвать лишь недоверие к истине и отвлечь внимание людей от сути на привходящие обстоятельства. Выступив же в поддержку неправой стороны, оно, если и не сумеет совсем подавить стремление к исследованию, все же способно привести к тому, что спокойный поиск истины уступит место взрыву страстей и мятежу.

Что касается усовершенствований, которые надо внести в политическую систему, то их содержание и продолжительность осуществления должны определяться уровнем просвещенности в стра-

не, а потому для изменений нужна сначала подготовка общественного сознания. Политическое обновление, строго говоря, может рассматриваться как одна из стадий интеллектуального совершенствования. Сами по себе литература и научное исследование не могут применяться как универсальные средства; нельзя надеяться, что широкие массы окажутся способны воспринимать в истинном свете то, что не имеет доступной им упрощенной и огрубленной формы; абстрактные и смелые мысли, составляющие основную ценность литературы, неизбежно остаются уделом немногих избранных. И когда аргументация оказывается трудной для восприятия, на помощь силе убеждения приходят социальные институты. Как только какая-либо важная истина утверждается в достаточной степени в умах людей инициативных и мудрых, она может быть спокойно и легко применена в общественном устройстве, ибо непросвещенные и бедные никогда не являются энергичными защитниками тех сложных систем, посредством коих поддерживается угнетение, и явно заинтересованы во внесении в дела простоты и правды. Даже один ценный принцип, будучи таким образом реализован, открывает путь для осуществления следующих. Он становится прибежищем разума, где тот набирается сил для великого дела постижения истины и получает дополнительную энергию и поддержку для дальнейших усилий.

Книга IV. Глава I

Из хода наших рассуждений о политической власти явствует, что каждый человек обязан сопротивляться любому несправедливому действию со стороны общества. Но кто должен судить о том, что несправедливо? Вопрос предполагает ответ — сам индивид. Если бы дело обстояло иначе, само требование потеряло бы всякий смысл, ибо у нас нет безошибочного судьи для разрешения наших споров. Индивид должен исходить из собственного мнения в этом случае так же, как и во все другие моменты своего поведения.

...Есть два способа воспротивиться действию, с коим вы не согласны: делом и словом. Надо ли в каждом случае прибегать к первому? Такое предположение совершенно абсурдно. Цель каждого добродетельного человека — всеобщее благо. Но разве мож-

но признать, что добивается всеобщего блага тот, кто готов тратить свои силы по каждому незначительному поводу и жертвовать жизнью без малейшей надежды принести этим какую-либо пользу обществу?

Можно привести множество возражений против применения физической силы там, где силе не имеет никаких надежд на успех. Невозможно попытаться сделать это, не причинив вреда многим людям. Надо ожидать, что некоторое число не только врагов, но и друзей окажется жертвами столь опрометчивого шага. Он будет рассматриваться современниками и останется в истории как вспышка необузданных страстей и послужит скорее предостережением остальным, чем вдохновляющим примером. Не безумию энтузиазма, а спокойному, дальновидному и продуманному действию разума обязано своим прогрессом познание истины.

Но предположим, что надежды на успех велики и есть все основания считать, что применением силы можно быстро достичь цели. Однако даже тогда мы не будем избавлены от сомнений. Насилие всегда выглядит одиозным средством, и если применение его правительством достойно сожаления, то и использование его группой патриотов отнюдь не ведет к изменению природы данного явления. Если защищаемое нами дело есть дело правое, то нет сомнения, что убеждением, достаточно настойчивым и систематическим, можно достичь той же цели спокойным и более гуманным путем.

Одним словом, здесь уместно напомнить то, что утверждалось нами в отношении использования силы в целом: она должна применяться только в тех случаях, когда все другие средства оказываются неэффективными. Следовательно, и при сопротивлении власти сила никогда не должна применяться без самой крайней необходимости, а лишь в случаях, подобных тому, когда приходится защищать свою жизнь от грабителя: времени ни на что иное не остается, а последствия промедления угрожают оказаться самыми печальными.

Книга V. Глава XIV

Демократия — это такая система государственного устройства, при которой каждый член общества рассматривается просто

как человек, и ничего более. В том, что касается позитивного регулирования общественных дел, если, конечно, можно назвать «регулированием» применение наипростейших принципов, то здесь все люди равны. Таланты и богатство, где бы они ни существовали, всегда будут обладать определенной степенью влияния, но они не могут в этом рассчитывать на поддержку социальных институтов.

Однако есть ряд определенных недостатков, которые могут показаться неизбежным следствием демократического равенства. Разумно предположить, что в политическом обществе мудрых людей окажется меньше, чем немудрых, из чего некоторые могут сделать вывод, что «в демократии общее благо будет отдано во власть невежества и глупости». Несомненно, что человек темный, скорее всего, захочет, чтобы его поступками руководили компетентные люди, но, возразят мне, «сама невежественность этого человека делает его неспособным к правильной оценке достоинств его руководителей. Энергичный и ловкий демагог получит, скорей всего, больше преимуществ в борьбе за свое мнение по сравнению с тем, кто, имея более благородные намерения, не обладает таким блестящим талантом. К этому надо добавить, что демагог всегда может использовать один из важнейших недостатков человеческой природы — предпочтение частного блага сейчас более существенному благу в будущем. Это то, что обычно называют игрой на людских страстях. Истина в политике до сих пор является загадкой, которую вся человеческая мудрость не способна пока решить. А потому, можно ли надеяться, что непросвещенная толпа всегда сумеет отвергнуть искусную софистику и чарующее красноречие, используемые, чтобы затемнить ее разум? Разве не может быть такого, что проекты, выдвигаемые честолюбивым возмутителем спокойствия, окажутся внешне более привлекательными, и с ними не смогут соперничать лаконичные и трезвые предложения здравомыслящего политика?»

Другое возражение: «В основе одного из наиболее обильных источников человеческого счастья лежит точное и неуклонное следование определенным устойчивым принципам. Но характерная черта демократии — изменчивость и непостоянство. Только философ, глубоко продумавший свои принципы, непоколебимо придер-

живается их. Широкие же массы, чьи воззрения никогда не бывают упорядочены в виде системы, находятся во власти минутных настроений и легко меняют свое мнение. А такое непостоянство прямо противоречит самой идее политической справедливости.

И это еще не все. Демократия — огромное и неуклюжее судно, спущенное без балласта в море человеческих страстей. Когда свобода не ограничена, то сразу же после ее завоевания возникает опасность эту свободу потерять. Честолюбивый человек не встречает при таком устройстве дел никаких препятствий для осуществления своих желаний. Чтобы достичь абсолютной власти, ему надо лишь увлечь и обмануть толпу.

Из этого обстоятельства проистекают и другие негативные следствия. Толпа, осознавая свою слабость в данном отношении, будет прямо пропорциональна своей любви к свободе и равенству постоянно подозрительна и недоверчива. Кто-то проявил особо выдающиеся добродетели или сослужил большую службу своей стране? Он тут же обвиняется в тайном стремлении к тирании. К этому обвинению добавляются и другие обстоятельства: всеобщая любовь к новизне, зависть к выдающимся достоинствам и неспособность толпы понять мотивы поведения и характер тех, кто намного выше ее. Подобно афинянам, они устанут слушать Аристиду², постоянно называемого Справедливым. А потому люди выдающиеся слишком часто будут становиться жертвами невежества и зависти. Таким образом, все гуманные и высокие идеи, какие только человеческий разум способен выработать в состоянии величайшего совершенства, часто будут оказываться смятыми вихрем необузданных страстей и грубым диктатом дикого безрассудства.

Если бы такая картина была неизбежным следствием установления демократических принципов, состояние человеческой природы было бы особенно плачевным. Невозможно выдумать такое государственное устройство, которое не имело бы черт монархии, аристократии или демократии. Мы уже тщательно рассмотрели первые две из них, и, похоже, невозможно принести человечеству более тяжких или более невосполнимых бедствий, чем это сделали они... Если бы существовали какие-либо доводы в пользу того,

² Аристид (540—465 гг. до н. э.) — государственный деятель Древних Афин, осужденный гражданами на изгнание (Прим. пер.).

что демократия ничуть не лучше этих ужасных институтов, в коих нет ни честности, ни разумности, тогда тщетными оказались бы наши надежды на счастье человечества в будущем.

Однако это совершенно не так. Если даже предположить, что мы вынуждены принять демократическую форму правления со всеми приписываемыми ей недостатками и средства против них нет, то и тогда она все же окажется предпочтительней прочих систем, взятых в чистом виде. Возьмем, например, Афины со всей их бурной и нестабильной жизнью...

Можем ли мы сравнить народ, имеющий поистине невероятные достижения, высочайшую утонченность, веселость без чрезмерности, пышность без излишества, народ, давший величайших поэтов, прекраснейших художников, самых совершенных ораторов и политических писателей, самых бескорыстных философов, каких когда-либо видел мир, — можем ли мы сравнить эту избранную обитель патриотизма, независимости и благородной добродетели с застывшими в неподвижности, эгоистичными монархическим и аристократическим государствами? Счастье не всегда там, где внешне все спокойно. Лучше жизнь довольно бурная и переменчивая, чем абсолютный покой, чуждый добродетели.

Обычно при оценке демократии одним из наиболее очевидных источников заблуждений является то, что человечество рассматривается таким, каким его сделали монархия и аристократия, а отсюда делается вывод о его способности к самостоятельному управлению своими делами... Слепая вера, покорное подчинение авторитету, робкая боязливость, неверие в свои возможности, пренебрежение собственной значимостью и теми прекрасными целями, коих мы способны достичь, — вот главные препятствия совершенствованию человека. Демократия восстанавливает у человека понимание собственной ценности, избавляя от авторитетов и угнетения, учит его прислушиваться лишь к голосу разума, дает ему уверенность в том, что все остальные люди — ближние его, убеждает больше не считать их врагами, от которых ему нужна защита, а видеть в них братьев, коим надо оказывать помощь. Гражданин демократического государства, глядя на ужасное угнетение и несправедливость, господствующие в окружающих странах, не может не испытывать высочайшей гордости за свои преимущества и са-

мой твердой решимости во что бы то ни стало сохранить их. Влияние демократии на чувства граждан, в общем-то, негативно, но его последствия бесценны. Нет ничего более неразумного, чем судить по людям, какими мы их видим сегодня, о тех, кто будет жить потом...

Путь к совершенствованию человечества крайне прост: надо только говорить истину и действовать в соответствии с ней. Если бы афиняне чаще поступали таким образом, они не смогли бы впасть в столь явные заблуждения. Всегда говорить правду без утайки, беспристрастно следовать требованиям справедливости — вот принципы, которые, будучи однажды приняты к точному исполнению, оказываются наиболее благотворными из всех. Они просвещают разум, развивают способность иметь собственное мнение, лишают обман правдоподобия и благовидности. В Афинах люди страдали из-за того, что их прельщали внешний блеск и пышность вещей. Если бы ошибка в их государственном устройстве, которая вызвала сей недостаток, была обнаружена, если бы была изобретена такая форма политического общества, которая приучила бы людей судить обо всем строго и трезво и сделала бы для них привычным следовать в своем поведении ясности и простоте истины, демократия в таком обществе избавилась бы от волнений, нестабильности, слабости и насилия, кои слишком часто бывают присущи ей. Нет ничего более очевидного, чем всемогущество истины или, иными словами, чем связь между мнением и поведением. Если наука способна к постоянному прогрессу, то и люди так же способны постоянно совершенствоваться в применении мудрости и справедливости. Стоит только доказать способность человека к совершенствованию, и из этого неизбежно следует вывод, что мы движемся к такому состоянию, когда истина будет слишком хорошо известна, чтобы позволить легко впадать в заблуждение, а применение справедливости будет слишком привычным, чтобы ее можно было сознательно нарушить. Серьезно поразмыслив, мы не найдем никаких оснований полагать, что мы столь уж далеки от такого состояния, как это могло нам вначале показаться. Заблуждение в основном обязано своей устойчивостью социальным институтам. Если бы мы предоставили индивидам свободу интеллектуального развития, не пытаясь регулировать его никакими уста-

новленными обществом ограничениями, человечество быстро пришло бы к признанию над собой власти истины. Силы в борьбе истины и лжи слишком неравны, чтобы первой требовалась какая-либо поддержка со стороны политики. Чем больше будут ее постигать, особенно в том, что касается положения человека в обществе, тем более простой и самоочевидной она будет казаться. И тогда станет ясно, что объяснить столь долгое ее утаивание нельзя ничем, кроме как пагубным влиянием политических институтов

Перевод А. В. Чудинова

Научно-популярное издание

Александр Викторович ЧУДИНОВ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
УИЛЬЯМА ГОДВИНА

(Из цикла «Из истории социалистических учений»)

Гл. отраслевой редактор *Ю. Н. Медведев*

Редактор *В. Р. Быстров*

Мл. редактор *И. В. Яковлева*

Худож. редактор *М. А. Гусева*

Техн. редактор *А. М. Красавина*

Корректор *Л. В. Иванова*

ИБ № 10718

Сдано в набор 23.10.89 Подписано к печати 11.12.89 А 02605. Формат бумаги 70×108^{1/32}. Бумага тип № 2 Гарнитура журнально-рубленая Печать выскокая. Усл. печ. л. 2,80 Усл. кр.-отт 2,89 Уч.-изд л 3,51 Тираж 23 843 экз. Заказ 1877 Цена 15 коп. Издательство «Знание» 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4 Индекс заказа 901301
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.